

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е

И З Д А Н І Е .



Ч А С Т Ъ Ш Е С Т А Я

М А Й .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ Медицинской Типографіи.
1821 года.

Печатать позволено: съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Маія 1 дня 1821 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кав. Ив. Тилковскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

стрaн.

I. ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

а) ПРОЗА.

Дорожныя записки на возвращномъ пути изъ Ревеля (*окончаніе*) 101.

Саидъ или дружество 122.

б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

VII Посланіе Боало къ Расину 135.

Восхожденіе солнца 140.

Осень 141.

Пѣснь благодарности 143.

Посланія.

1. Къ Графу Дм. Ив. Хвостову 146.

2. Къ Плѣнирѣ 153.

II. КРИТИКА.

Разборъ Стихотворенія: *Тоска Араба по милой* 156.

III. СМѢСЬ.

Краткія Историческія извѣстія объ Аршиллеріи 162.

Письмо изъ Швейцаріи 178.

Русскій театр 187.

Объ иностранныхъ театрахъ 189.

Иностранная Литтература 191.

Письмо къ Изд. о бѣдной вдовѣ 193.

IV. ПОЛИТИЧЕРКІЯ НОВОСТИ 195.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

А) П Р О З А.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ НА ВОЗВРАТНОМЪ
ПУТИ ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

(Окончаніе.)

Не спало Грознаго Іоанна! — не прошли времена грозныя. Сѣкиры и палицы опричниковъ не висѣли уже надъ головами гражданъ; но голодъ перзалъ ихъ, Поляки расхищали, Шведы громили. Коропко и бѣдшвенно было царшвованіе Θεодора; онъ умеръ; и раздоръ, увѣнчанный надгробными кипарисами власти законной, схватилъ бразды правленія. Между-царшвіе длилось недолго: честолобивый Годуновъ могильною спезей прокрался къ проноу сыновъ Рюриковыхъ и кровію Царевича Углич-

скаго оросиль шапкое колесо фортуны. Уже налагаль цѣпи и припворялся опшвергающимъ вѣнецъ; какъ бы нѣ хопя приняль его, и мудрымъ, но злополучнымъ Правительствомъ выкупиль свои преспуленія, и не могъ осчасшлвившь подданныхъ. Ядъ прекрапиль бурную жизнь Годунова — и Русь преврапильсь въ спань разбойничій: чужіе и свои грабили, кто что могъ. — Поляки, покровительствуя Опрепьева, вшпорглись въ границы наши, какъ друзья—своихъ выгодъ. Дворъ призналь Царемъ лже-Димитрія; народъ, вольный только мѣняшь цѣпи, казалось вѣрилъ шому, и нешповѣства Липовцевъ ознаменовали возшествіе на престоль пришельца. —

— „Рѣшено!“ сказаль шогда бояринъ Гедонъ Беспужевъ, „я не слуга Польшѣ. Кто не держаль спремя Грозному, не поклонишся шотъ и Царю-самозванцу; передъ нимъ корона, со мною чешть моя, ѣду.“ Сказаль и опшравилея изъ Москвы въ свои помешья на Лугу мирную, гдѣ какъ опецъ семейства, какъ добрый владѣлецъ, въ заняпіяхъ сельскихъ, хопѣль забышь горе опечештва, кошорому не могъ пособишь. Издавна ужа-

снѣй бывъ Царямъ, онъ зналъ спрахъ поль-
ко въ своихъ прошивникахъ, и не разъ
разгромленныя спѣны городовъ Ливонскихъ
видали его первымъ на раскатахъ своихъ, въ
самомъ пылу приступа.

Возросши въ бѣтвахъ, Беспужевъ пре-
зиралъ пронырствами Двора, не искалъ ми-
лосости временщиковъ, не вымаливалъ Цар-
ской опалы. Какъ воинъ опытный дра-
лся въ полѣ, какъ прямой бояринъ говорилъ
красную правду на шумныхъ выборахъ. „Но
когда вяжущъ руки на доброе, думалъ онъ,
не хочу служишь злобѣ“ — и ждалъ покойно
лучшаго времени. —

„Аже-Димитрій свергнушь!“ разнеслось
повсюду, и Гедеонъ запирировалъ съ друзьями.
„Теперь ты можешь бышь зятемъ моимъ;
(писалъ онъ къ юному Всеволоду Горскому);
празднуешь свѣшная Русь, а мы развѣ не
Рускіе? оправданы мои слова, сбывсь и швоя
надежды. Приѣзжай; Евпраксія, наречен-
ная невѣсна швоя будешь шебѣ женою.“ —
Пылкій Всеволодъ прилепѣлъ къ любезной
сердцу, и Беспужевъ, обнимая его, сказалъ:
Дѣшпи мои бьются въ дружинахъ дальныхъ,
будь мнѣ вмѣсто сына роднаго. Недѣлю

посвящимъ радости, а потомъ иноходцы
 ждуть насъ, ждуть поле рашное и служба
 опечесству. Я слишкомъ спартъ, чшобы
 дорожишь своею жизнью, но довольно мо-
 лодъ что бы наносить смерть врагамъ
 опчизны. Сего дня сговоръ, а завтра свадь-
 ба. Благословляю! — Радостно чокались
 жаловонные Царями ковши съ золоченными
 кубками, за вечернимъ споломъ, въ рукахъ
 гостей и сродниковъ, шипѣли меда, лились
 вина и наливки. Красныя дѣвушки распѣ-
 вали пѣсни, подъ гусли звончатыя; женихъ
 съ невѣстой не могли наглядѣться другъ на
 друга, а спарики, разглаживая усы, толко-
 вали объ оружьи и кольчугахъ, о коняхъ и
 воинахъ; вспоминали спаринное, гошповились
 къ будущимъ бишвамъ. — Все шумѣло и
 радовалось, все праздновало и ликовало: по-
 шли въ ходъ чары заздравныя, загремѣли
 бубны и трубы

Вдругъ черный воинъ въ лапахъ Герман-
 скихъ, съ писполопомъ въ рукѣ явился пе-
 редъ споломъ пи шесства. „Ни съ мѣста!“
 произнесъ онъ къ испуганнымъ госпямъ, ко-
 торыя поскакали съ лавокъ „или я раздроб-
 лю черель первому, кто шронешся!“ Копья

и карабины засверкали въ дверяхъ и окнахъ; изумленіе, ужасъ оковали всѣхъ, звукъ голоса умеръ въ воздухъ. —

„Узнаешь ли ты меня, Гедeonъ? продолжалъ онъ, поднимая рѣшепку шлема своего и усpreмя грозные взоры на Беспужева. „Узнаешь ли во мнѣ юношу, копорого повергъ и помонилъ ты на развалинахъ Линневардена и въ цѣпяхъ волочилъ до Москвы? Пять лѣтъ, брошенный тамъ какъ звѣрь въ ямъ подземной, я пипался одною надеждою мести. О! какъ проклиналъ я тебя, когда Русскія дружины шли поражать братьей моихъ! я грызъ оковы, и наконецъ разбилъ ихъ, и наконецъ пришелъ къ тебѣ заплапипть долгъ мой. — Чшожь ты не пощучешь гостя нежданого? или мнѣ начать круговую?

Тышь налилъ онъ вина въ желѣзную перчатку свою, оппилъ самъ и подаль ее Гедeonу.—„Долго я слушалъ тебя, незнакомецъ, опвѣчалъ Беспужевъ съ гордостію; не помню швоего имени рыцарскаго, не хочу знать прозванья разбойника. Я служилъ родинѣ, исполнялъ велѣнне Царя; Богъ судья ему, а не ты. Не думай, что лапы шворяптъ

безспрашными: брашья швои и въ нихъ бѣгали опъ меня, я шебя презираю и безоружный. Передо мной сотни перчапокъ Нѣмецкихъ падали вмѣстѣ съ руками, — не бывашь и эшой на сполѣ боярскомъ! Подлый разбойникъ! вошь она.“ Онъ бросиль ее на землю. —

„Разбойникъ, говоришь ты, съ яросшию вскричалъ черный воинъ; но я былъ ученикомъ швоимъ въ ремеслѣ грабительства, или ты позабылъ осаду Линневарденскую, когда алчные рапники дружины швоей сквозь дымъ и огонь ворвались въ домъ опца моего, и младенцевъ, сестерь и брашьевъ моихъ разможжили на камнѣ? Твой мечъ пронзилъ сердце моего родителя. Меспъ и свобода были послѣднимъ его завѣщаніемъ, единспвеннымъ моимъ наслѣдіемъ: великодушные Россіяне испребили оспальное: — даже слѣды замковъ моихъ исчезли подъ боронами вашими. Вы сокрушили орденъ; но, сложивъ креспъ, я не сложиль меча, и эшопъ мечъ, закаленный въ слезахъ Ливонскихъ, придцапъ лѣпъ вкушаспъ кровь неприятельскую — и швоею пащелся; но не здѣсь, нѣпъ, — шамъ гдѣ шы убиль опца

моего, памъ изъ шебя по капль выпочу жизнь и развѣю прахъ швой по полю. Беспужевь! я не даромъ былъ свидѣтелемъ свирѣпства Царскихъ сподвижниковъ, когда военноплѣнному спарцу Фонъ Мюнсперу выжгли они шомполами глаза и замучили его подъ лозами. Я повпорилъ все это съ Де ла Гардіемъ въ Нарвѣ и Венденѣ, опмщевая смерть друзей, которые взлещѣли добровольно на воздухъ, не желая подвергнушь ся плѣну подобныхъ варваровъ. За чемъ ты не вспрѣшилъ памъ смерти опъ руки моей въ бишвѣ почетной? Я клялся погубишь шебя — и погибнешь безъ славы! Ты, злодѣй, опнялъ у меня свободу, честь и все, что человѣку дорого на землѣ. Во время плѣну моего моя суженая вышла за другаго, и я убилъ ее, и ты одинъ винень, что Эдгардъ фонъ Шрейперфельдъ спалъ разбойникомъ. Проклятія всѣхъ — шеперь мои пишла, обращаю ихъ на швою голову, и радуюсь что ты можешь понимать оныя на языкѣ своемъ. Но уже время! Риннекеръ! Розитшень! Вульфъ! попросише бояръ распоясашься и свяжише ихъ кушаками. Долой бархашъ и камку,

весною тепло. Рейсары! снимайте со шпола серебро и золото, съ госшей жемчуги и камня. Фреймань! солому во всѣ углы, пепли по всѣмъ жолобамъ: двухъ на висѣлицу, претпьяго на вороша — понимаешь? Спарики не спуюшь пороху, оставь ихъ погрѣться у пожара. Смопри, Гедеонъ! одинъ только эпошь кремень оспался мнѣ опъ всего дома родишельскаго и онъ раздѣлишь со мною сладость мщенія!“ Съ сими словами Шрейперфельдъ ударилъ кремнемъ въ обухъ меча своего, искры полились, зажгли прущъ и солому — и домъ вспыхнулъ. — Крикъ, вопли и выспрѣлы раздались повсюду. Гофлейпы грабили и рѣзали, деревня пылала, вой набашныхъ колоколовъ разносилъ ужасъ въ окрестности. — „Вопъ мои потѣшныя огни и звонъ швоей панихиды, говорилъ съ адскою улыбкою Шрейперфельдъ связанному Гедеону, который проклиналъ его. Благодари жъ меня, чпо я памятливъ: издалика прѣхаль, повеселишь друга, на свадьбу къ швоей дочери. Не крушисъ Гедеонъ, и она ѣдетъ съ нами — полюбовашься швоею смершю. Конрадъ! подведи бѣгуновъ спарику и красавицѣ, Трей-

мерзень! возьми двадцать удалцовъ на лучшихъ коняхъ, спускай впередъ провожашъ плѣнниковъ, и помни, что ты головою отвѣчаешь мнѣ за цѣлосць ихъ; Шпернъ расскажетъ тебѣ куда ѣхашъ и гдѣ съѣхашся, — спиши!“ —

Бушеваль вихоръ по бору, шучи набѣгали грядями; изрѣдка блѣдный лучъ мѣсяца сверкалъ на черныхъ лапахъ Гофлейшовъ Эдгардовыхъ и снова скрывался въ распоргнипыхъ облакахъ. Раскашы опдаленнаго грома сливались съ шумомъ водопада Наровскаго, къ кошорому приближались они; все предвѣщало бурю. —

Гаупшманъ! сказала Шрейперфельду рейтаръ Шпольць, вопъ мѣсто, куда назначено собиращься всѣму шпандаршу нашему,“ и апаманъ осадилъ коня своего. „Слѣзай! командовалъ онъ; разведише огонь шоварищи, лошадей въ коноводъ, часовыхъ на дорогу; опдыхайше.“ —

Подъ вѣковыми соснами, на полянѣ запылали прескучія вѣшви, и свирѣпья лица Гофлейшовъ мелькали на заревѣ сквозь дымъ, какъ привидѣнїя злыхъ духовъ. Иные убирали коней, другїе пекли мясо на пала-

шахъ своихъ. Вино лилось, и громкій смѣхъ разносился въпрямь. Угрюмъ лежалъ ашаманъ подлѣ коспра, завернувшись въ плащъ, и дикіе взоры его, блуждая окрестъ, нетерпѣливо кого-то искали. „Эпо непонятно! наконецъ вскричалъ онъ, эпо непроспительно! Треймерзенъ долженъ опередить насъ, а его нѣтъ до сихъ поръ; или онъ заблудился, или пошелъ дальнею дорогою, но въ обонхъ случаяхъ онъ споипъ веревки. —

Wer da? раздалось на дорогѣ. Freund! опвъчалъ голосъ; „эпо онъ, эпо Треймерзенъ! нѣтъ; всѣ ошиблись. — Лапникъ спрыгнулъ съ коня, хладнокровно оппустилъ подпруги, размундшпучилъ своего Буцефала и тогда уже подошелъ къ огню: — эпо былъ Гофлейпъ, именемъ Фронгольдъ. — „Здорово, пріятели! здравспвуй Гауптманъ! гдѣ воевалъ, гдѣ ты спранспвовалъ? — Ва! да у васъ пиръ горой, и водка и вино, bravo поварищи! эпо кспаши моему постному желудку. Ваше здорвье! сего дня я шакъ опощалъ, что долженъ былъ два раза спятивать поршупею, боясь попереять ее вмѣстѣ съ палашомъ.“ Между шѣмъ онъ при-

спально работалъ руками и зубами. „Спранное дѣло! продолжалъ Фронгольдъ, передъ ужиномъ тѣло мое прыгало въ кирасѣ шуда и сюда какъ сухой орѣхъ въ скорлупѣ своей, а теперь надо распускать пряжку за пряжкой. Товарищъ Германъ! не въ службу а въ дружбу, задай овса жеребцу моему, онъ шакъ скакалъ вчера какъ будто и ему грозила висѣлица. — „Скажи пожалуй, откуда ты взялся? спросилъ его Шрейперфельдъ. — „Бездѣлка, Гаупшманъ! чуть-чуть не изъ пещли. Мнѣ захошѣлось подѣлиться съ однимъ богатымъ Шведскимъ дворянчикомъ: говоря ихъ языкомъ, я пробрался къ нему на мызу, кошорая верспахъ въ сорока опъ Нарвы; шамъ выдалъ себя за Шведскаго офицера, будто бы ѣдущаго изъ Нюшпбурга въ Ревель, и сначала все шло удачно. Смерклось, меня оставили ночевать, я пошхоньку осѣдмалъ коня, пробрался къ кладовой и, лишь шолько хопѣлъ палашемъ уговорить къ сдачѣ желѣзной сундукъ весьма привлекательной наружности, вдругъ слышу по всему дому шревогу. Видя, что меня узнали, я выпрыгнулъ въ окно, неожиданная удовольствія бышь пропкнутымъ ро-

гапиною. Шпоры въ бокъ вороному — и мы за рвомъ, и мы въ полъ, а шогда поминай какъ звали. Зная, что наши удалцы часто дѣлають здѣсь привалы, я пробрался сквозь чашу, и на эшошь разъ обоняніе не обмануло меня — превеликолѣпный ужинъ особенно для того, кто обѣдалъ наизуспъ. Бьюсь объ закладъ — эшо маленькая подашь съ Русскихъ купцовъ?— „Прямо съ боярскаго стола, любезный Фронгольдъ, прямо изъ-подъ Луги, отвѣчалъ Фрейманъ. — „Изъ-подъ Луги? смѣшеся, или шупешъ надо мной? дойши до нее легко, но ворошиться ошполь очень шрудно. — „Однако возможно, сказала Шрейшегфельдъ, я не разъ гостилъ въ границахъ Русскихъ и за непремѣнное положилъ побывашъ подъ Лугою, Гофлейшамъ для добычи, себѣ для забавы. Лѣсами и околицами шихо пробрались мы къ деревнѣ одного боярина, съ которымъ мнѣ нужно было рачипашься. Онъ праздновалъ стговоръ дочери. Рейшары мои окружили домъ, а въ немъ ни кто еще не зналъ объ опасности. Надобно было видѣшь каршину, когда явился я между шярующими гостями: хмѣль и спрахъ приковали ихъ къ лавкамъ, спшаканы замерли

въ рукахъ, куда дѣвался и смѣхъ и веселость.—„Ты упалъ какъ громъ съ неба? прервалъ смѣючись Фромгольдъ.“—Но принеси адскія новости, продолжалъ ашаманъ, — услышавъ приговоръ свой, многіе осмѣлились бранишь меня; но свинецъ залилъ имъ горло. Крикъ, стонъ, плачь, пальба, однимъ словомъ — сердце не наравдвалось. О добычѣ спроси у Рейшаровъ: парчами хопъ моспъ моспи, серебра въ волю, въ винѣ и коней купали, а на дорогу себѣ я запалилъ шакиѣ факелы, что за двадцать верспъ можно было счишашъ сѣдые волосы въ усахъ моихъ. —

Wer da? закричалъ спорожевый Гофлейшъ; отвѣпа не было. Фромгольдъ придвинулъ къ себѣ палашъ, ашаманъ положилъ руку на прикладъ карабина. Вѣперъ завывалъ, и порывами наносилъ крупныя дождевыя капли. „Чорпъ возми, если тебѣ не привидѣлось, сказалъ часовому Фромгольдъ, подкладывая въ огонь сухія вѣпъви, изъ хроброспи своей ты радъ окликашь каждую ворону, тобою же испуганную. Кому охота въ такую ночь прогуливашся по дремучему лѣсу! И такъ въ двои супки вы

здѣсь? обратишь онъ рѣчь къ Шрейперфельду; но за чѣмъ избралъ ты такую дальнюю въ Линневардѣнъ дорогу? или боялся погони, или войска Липовскаго? — „Поспой, прервалъ его ашаманъ, кажется я слышу конской попошъ. — Фромгольдъ припалъ ухомъ къ землѣ. Да, почно. — Вспавай поварищи! загремѣлъ Шрейперфельдъ, и Гофлейпы поднялись какъ шѣни. Топошъ приближался. „Свои,“ отвѣчали шрое запыхавшихся всадниковъ на окликъ часоваго — и въ два мгновенія стояли уже передъ ашаманомъ. „Наконецъ вы здѣсь, съ радостію произнесъ онъ, увидя съ ними полумертвую Евпраксию; но гдѣ Треймерзенъ? гдѣ другіе? — Всѣ погибли, отвѣчалъ Тиллейнъ, всѣ убиты; проклятый женихъ эпой дѣвчонки, невѣдомо какъ ускользнулъ отъ висѣлицы, собралъ слугъ и спрѣльцовъ, заскакалъ намъ впередъ и перерѣзалъ дорогу: дѣло было жаркое, поварищи наши легли; — спарикъ спасся; но мы шрое успѣли ускакать съ дочерью. — Какъ! вскричалъ Шрейперфельдъ, скрипя зубами, его отбили? его увезли? Души адскіе! когда переспанете вы играшь мною? придцашъ лѣшь искалъ я его;

нащель и — поперяль въ одну минушу; но шебя Евпраксія, шебя ни какія силы не вырвуть изъ рукъ моихъ: ты заплашишь мнѣ за отца своего — и онъ медленно подняль фашу ее, наслаждаясь ужасомъ невинной жертвы. Напрасно обнимала она колѣна варвара, напрасно молила его; ни слезы, ни юность, ни красота не пронули злодѣя, закоренелаго въ пресупленіяхъ; — злобно хохопаль онъ, взводя курокъ пистолеша, и повлекъ Евпраксію привязать къ дереву „Пусть отецъ твой спокрашно умираетъ въ тебѣ, покуда я не вырву изъ него души, произнесъ онъ. А! кольцо обручальное! — Разбойникъ сорваль его съ руки несчастной, — оно обручишь тебя со смертью, оно мило тебѣ, оно будетъ въ сердцѣ швоемъ;“ — смявъ, опуспилъ онъ его въ дуло. „Мольбы твои безплодны,“ продолжалъ Шрейшерфельдъ, прицѣливаясь: — выспрѣль раздался, и не спало Евпраксіи.

„Бейте разбойниковъ“ — воскликнулъ невѣдомый голосъ, и выспрѣлы полетѣли со всѣхъ споронъ. Всеволодъ съ конными стрѣльцами врѣзался въ средину испуганныхъ нечаянноспію Гофлейшовъ. — „Милоспи

просимъ,“ кричалъ ему апаманъ, и положилъ на мѣспѣ двоихъ изъ карабина. „Ко мнѣ поварищи!“ и мечъ его засверкалъ какъ молнія. Съча была ужасна: кони и войны падали другъ на друга, свинець поражалъ безстрашныхъ, ломались сабли на панцыряхъ, лепѣли искры мечей; иверки лапъ разбишыхъ и пылающій косперъ озарялъ умирающихъ. Окреспность звучала кликами опчаянья и месши, громаы земные спорили съ громомъ небесъ; наконецъ склонилась побѣда на спорону правую. Гофлейшы, задавленные лапами, не умѣли сражаться пѣшкомъ, и, скользя на влажной шравѣ, падали и опспупали. Уже шолько шесперо опспалось опшо всего шшандарша ихъ. Шрейшерфельдъ рубился какъ опчаянный. „Фрейманъ! кричалъ онъ одному изъ сражающихся, вспомни Линневарденъ и не измѣни своему прозвищу; свободными жили мы, вольными должны и умереть.“ Но Фрейманъ палъ опъ руки Беспужева, копорый, не зная своего несчастья, вездѣ искалъ Евпраксию. — Юный Всеволодъ размахомъ сѣкиры сокрушилъ въ дребезги и мечъ и нарамникъ Шрейшерфельда. „Сдайся, злодѣй! воскликнулъ онъ, снова

подъема съскиру, сдѣйся! или умрешь, ты, безоружень. — Но непобѣжденъ, опивчаль ашаманъ, ринувшись на Всеволода и списавъ его желѣзными руками: долго крупились они по скользкому берегу. „Гибни со мной,“ произнесъ Шрейшерфельдъ — и оба полетѣли въ бездну.

Взошло солнце весеннее, и озарило несчастнаго отца надъ шѣломъ дочери. Горько плакалъ онъ; но, смиряясь передъ испытующимъ перспомъ Судьбы неисповѣдимой, оставилъ долину смерти и скоро палъ за родину, подъ знаменами Пожарскаго. До сихъ поръ, говоришь боязливо преданіе, въ часъ полуночи, когда молніи блещуть въ черныхъ валахъ пороговъ Наровскихъ, вспаесть ужасный призракъ надъ рѣкою, и шѣни душегубцевъ блуждаютъ по полю. А шамъ, гдѣ свершилось убійство, гдѣ лилась кровь невинная, и шравка не вѣшся и ласточка не вѣшъ гнѣзда своего. —



Медленно, съ грустной душой удалился я отъ пороговъ, и далекій шумъ водопада

пробуждалъ въ памяти моей отголосокъ давно и недавно минувшаго. —

„Тебя ждущь“ сказалъ Генераль; и мы помчались впередъ, и вопшь уже въ Чирковицахъ, за 4 станціи до Петербурга.

Что скажу я о дорогѣ и станціяхъ? и Рускіе и Нѣмцы брали съ насъ, какъ и вездѣ — дорого; — это не мудрено, но случилось, кормили очень худо — и это неприятно. Любезные земляки наши и Эстонцы не упускали случая спянуть, что плохо лежало; но пропажа была только въ первую дорогу, теперь же все въ цѣлости: не вѣдаю чему приписать такой феноменъ! или мы спали оспороженѣе или проводники честнѣе. —

Въ гостинцы вамъ, друзья мои, везу нѣсколько *рогулекъ* Ревельскихъ; — что это за вещь? спросите вы? по правдѣ сказать, не слишкомъ знаменитая: — она, — она не менѣе и не болѣе какъ *булка*, но если вы примете на себя трудъ разсмотрѣть ее, съ почтеннымъ собиращелемъ древностей Т. Х — мъ, въ характерическомъ отноше-
ніи, то пока, по угловой гошической фигурѣ своей, займетъ непослѣднее мѣсто

между сайками и калачами и, вѣроятно, составивъ историческое звѣно происхожденія народовъ.

Красное Село, 8 часовъ вечера.

Спутники наши поѣхали на Царское Село, а мы съ брапомъ пьемъ здѣсь чай. Еще два часа — и я въ Пепербургѣ. Чѣмъ ближе подѣзжаю къ нему, тѣмъ болѣе желаю свидѣться съ друзьями и съ родными: тѣмъ сильнѣе бьется речивое! — хорошо въ гостяхъ, говоритъ пословица, но гдѣ лучше какъ не дома? Такъ взлѣпѣвшая къ верху спирѣла возвращается даже опъ неба яснаго, и быспрѣй, быспрѣй несется къ родной землѣ. —

Сижу подъ окномъ, и, размышляя о будущемъ, вспоминая бывое, мнѣ пришло въ мысль, какъ полшора года шому назадъ, во время маневровъ, я чуть не упонулъ неподалеку опсюда. Возвращаясь верхомъ изъ Краснаго села часовъ въ десяць вечера, и желая проѣхать ближнею дорогою въ деревню, гдѣ канпониоваль нашъ эскадронъ, я пошерялъ бойную шпроу и ѣхаль на удачу.

Вы знаете, что Петербургъ окружень подземными болотами, на кошорыхъ пловучіе мхи и распынія образуютъ обманчивую плеву. Не замѣчая что конь мой началъ прорываться, я понуждалъ его далѣе и далѣе; наконецъ онъ прыгнулъ еще впередъ, еще рванулся и — ослѣлъ: обмануный справою, я думалъ въ шрехъ шагахъ найпи берегъ, и шпорами заставиль его, прыгнувъ впередъ, снова огрузнуть; — поздно уже я замѣпилъ неоспорожность свою: голосъ мой исчезъ бы въ пустой окружности — и я зналъ эшо! холодный потъ выступиль на лицѣ, волосы поднялись дыбомъ, въ воображеніи моемъ изобразились всѣ рассказы о подобныхъ несчастіяхъ — конь мой рвался и бился, вода фонпаномъ брызгала изъ пробоинъ и клокопала подъ корою; окружность колебалась, бездна засасывала. Умирашь — и шакимъ образомъ и въ шакія лѣша — ужасно!

Наконецъ я спрыгнулъ съ коня моего, и ежеминушно обрываясь самъ, не желая однако же бросить на гибель шоварища моего несчастія, ободрялъ его го-

лосомъ и поводомъ, и вопль ступилъ съ радостнымъ біеніемъ сердца на пвердую землю. — Вообразите какой праздникъ для меня! какая холя коню моему! —

САИДЪ ИЛИ ДРУЖЕСТВО.

Восточная Повесть.

(Изъ Лафонтена.)



Мудрый Саидъ сидѣлъ у дверей своего жилища, осѣненнаго прекрасными пальмами, и подъ тѣнью ихъ наслаждался прохладой. Подлѣ него опдыхалъ единственнѣйшій сынъ его, молодой и прекрасной Дели, котораго задумчивые взоры показывали тайное смущеніе, произведенное въ душѣ его словами отца.

Такъ, сынъ мой, говорилъ ему Саидъ, ты долженъ оставить кровь родительской; тебѣ уже 18 лѣтъ; уединеніе не есть удѣлъ молодости: ты долженъ увидѣть свѣтъ и жить съ подобными себѣ. Завтра же отправись ты въ Дамаскъ, Поѣзжай и будь счастливъ!

Но что нужно для счастья? родитель мой.

Убѣгать знаиныхъ, бытъ благопвори-
пельнымъ и приобрѣсти сердце друга; золопо,
драгоцѣнныя каменя, копорыя получишь
опъ меня — плѣнны; опцвѣпеть красопа
швоя, увянепть молодоспть, и веселоспть со-
дѣлаешся добычею спароспи. Сыци друга,
сынъ мой, копораго бы ни время, ни слу-
чай не могли у шебя похипишь, друга, съ ко-
порымъ бы одна смерпть могла разлучишь
шебя; и если ты можешъ приобрѣспть его
цѣною сокровищъ, то, не колеблясь, опдай
ихъ; еще дешево купишь ты сго.

Дели улыбался, думая, что спарець уве-
личиваетъ цѣну дружбы. Исполненый еще
всѣхъ заблуждений неопытнаго сердца, онъ
надѣялся скоро найши вѣрнаго друга.

Сколько же ты имѣлъ друзей въ жизни,
родишель мой? —

Да покровишельспвуетъ шебъ Небо споль-
ко, сколько мнѣ, сынъ мой! у меня одинъ
шолько другъ; но онъ другъ мнѣ.

Одинъ шолько! Ты приводишь меня въ
уныніе Рука швоя была опшверзпа несча-
спнымъ, золопо швое помогало бѣд-
нымъ и у шебя шолько одинъ
другъ?

Такъ, но онъ мнѣ другъ, возразилъ съ воспоргомъ спарець.

День прошелъ въ мудрыхъ наспавленіяхъ и пригоповленіяхъ къ опъѣзду; на другой день, съ появленіемъ зари, юный Дели оспавилъ опеческій домъ, предшествуемый двумя верблюдами, обремененными золопомъ, драгоцѣнными каменьями и богатыми одеждми—щедрыми дарами родипеля. По прибышій въ Дамаскъ, онъ явился къ Бекиру, другу опца. Бекирь со всемъ усердіемъ спарался доставить ему хорошее жилище и вѣрныхъ невольниковъ.

Дели въ продолженіе первыхъ дней удивлялся великолѣпію дворца Сулпанова. Мало по малу взоры его привыкли къ сей пышности, и вскорѣ онъ пожелалъ самъ жить роскошно.

Онъ познакомился съ знатнѣйшими изъ юнощей въ Дамаскѣ. Имя почпеннаго Саида, нѣкогда занимавшаго важное мѣсто въ Государствѣ, его богатство, пріятная наружность и обхожденіе сына его, все доставляло молодому Дели многочисленныхъ друзей. Онъ давалъ пиры для пріятелей; пріятели давали пиршества для него; веселость

царствовала при сплахъ его и удовольствіе было цѣлю жизни. Никогда Дели непочишаль себя споль счастливымъ.

Но преспарфльый Бекирь, копорому онъ рассказываль о веселой жизни своей, въ задумчивости опускаль голову, говоря: все плѣнно, сынъ мой; воспоминаніе о невоздержной жизни въ молодости, горешно при спарости, и распочительность не еспь добродѣшель.

Дели слишкомъ былъ увлечень пылкостью возраста и разсѣянъ удовольствіями; онъ не могъ шерпѣливо внимаць подобнымъ наспавленіямъ.

Дели убѣгалъ увѣщаній спарца. Знакомство было бы прервано съ другомъ опца его, если бы сей послѣдній самъ не посѣщаль его и неговориль съ нимъ языкомъ разсудка. Юноша продолжалъ вести разсѣянную жизнь, переходя опъ одного увеселенія къ другому.

Случайно увидѣль онъ любимую невольницу одного вельможи, кошорая выходила полько изъ купальни; ничего не было плѣнишельнѣе красоты ея. Воспламененный Дели предлагаль обладашело сей невольни-

цы значную сумму денегъ, драгоценные каменья и пребоваль опъ него прекрасной Черкашенки, но все было щещпно; Дели съ слезами опчаянїя и съ досадою рассказываль о прискорбїи своемъ соучаспникамъ удовольспвїй.

Развѣ мы не друзья швои? сказали они; и на другой же день предспавили ему молодую невольницу, красота которой скоро заставила его позабышь прелести Черкашенки.

Какъ заблуждался опецъ мой, говорилъ онъ самъ себѣ, думая, что весьма шрудно найши друга! я нашель ихъ множеспво въ коропкое время, и какихъ друзей! самыхъ преданныхъ мнѣ. Справедливо, что и самые умнѣйшіе люди бываюпъ иногда весьма спранны. Мнѣ должно испыташъ преспарѣлаго Бекира; я увѣренъ, что, не смолпя на старинную дружбу, которойю споль хвалипся опецъ мой, онъ не выдержитъ самаго легчайшаго испытанїя.

Въ топъ же день онъ исполниль сіе предпрїятїе. Одолжи мнѣ спю унцій золота, сказалъ онъ Бекиру, я намѣренъ дапъ праздникъ моимъ друзьямъ; а у меня шеперь

нѣшь денегъ. Сынъ Саида, возразилъ Бекирь, если недоспашокъ не позволяешъ тебѣ дашь праздника, по покорись необходимости, воспользуйся тѣмъ опдыхомъ опъ удовольствій, чпобы извлечь душу пвою изъ объятій роскоши и избавишь тѣло твое опъ помпешельной лѣннспи.

Человѣкъ рожденъ для трудовъ; удовольствіе еспъ его успокоеніе. Будь человѣкомъ, Дели, и не распочай молодоспи, подобно золопу опца твоего.

Благодарю за совѣшь, добрый спарикъ, опвѣчалъ Дели съ насмѣшливымъ видомъ. Въ сундукахъ моихъ еше довольно золопа и драгоцѣнныхъ каменьевъ: я хопѣлъ шолько испыпашъ друга опца моего!

Молодой человѣкъ, вскричалъ Бекирь, симъ-по опыпомъ и доказалъ я тебѣ любовь мою; я опказываю въ золопѣ, копшое тебѣ нужно на прихопи, но даю тебѣ въ замѣнъ спасительный совѣшь. Дели оставилъ спарца. Такимъ образомъ прошель цѣлый годъ, и Бекирь не преспавалъ посѣщашъ сына своего друга, не смопря на оскорбительныя насмѣшки юноши. Подспрекаемый однажды друзьями своими, онъ за-

быль границы благоприспойности даже до того, что угрожалъ Бекиру выгнать его изъ дома. Бекирь съ прискорбіемъ оставилъ Дели.

Слава Богу и Пророку! вскричала веселая толпа, когда Бекирь вышелъ изъ зала; ты избавился опъ этого спараго мечпашеля и опъ его ушомишельныхъ насшавленій. Язвительныя пѣсни и презрительныя насмѣшки долго продолжались за споломъ. Ввечеру того же дня Дели вышелъ изъ Дамаска прогуляться подъ прекрасными пальмами по берегу рѣки, насладиться свѣжестью воздуха и прогнать непріятное впечатлѣніе, возмущившее его душу съ той минушы, какъ оставилъ его Бекирь. Вдругъ видишь онъ идущаго къ нему почтеннаго старца, смотришь на него приспально и привѣтствуешь радостными кликами. Онъ узнаеть отца своего, бросается въ его объятія; Саидъ проливаетъ слезы восхищенія, увидя сына послѣ годичной разлуки.

Они оба опправились въ Дамаскъ, и въ продолженіе искренняго разговора Дели рассказывалъ отцу своему о счастливой жизни въ Дамаскъ. Друзья мои, сказалъ онъ....

Саидъ прервалъ его : я непонимаю тебя, сынъ мой, уже ли въ самомъ дѣлѣ есть у тебя друзья? Дели улыбаея: или ты хотѣлъ устрашить меня, родителъ мой, говоря, что нѣтъ ничего рѣже дружества, и давая совѣтъ найти хотя одного друга; или я рожденъ подъ счастливейшею планетою, я имѣю многихъ друзей, готовыхъ для меня пожертвовать своимъ имуществомъ и самою жизнью. —

Въ печеніи всей жизни моей я нашелъ только одного друга, возразилъ Саидъ съ важнымъ видомъ; но онъ былъ мнѣ всегда другомъ.... Поспѣшимъ въ городъ, сынъ мой; ночь приближается. Они вошли въ Дамаскъ уже вечеромъ. Теперь, сказалъ Саидъ, прибывши въ домъ Дели, теперь выдуманное средство испытать друзей твоихъ. Обрызгай плащъ кровью, замарай въ пыли, разпусти волосы, вооружись кинжаломъ, одѣнь невольниковъ шлохранишелями Вазиря и поспѣши въ домъ каждаго изъ друзей твоихъ; скажи имъ со всѣми выраженіями величайшаго ужаса, что ты поразилъ Вазиря кинжаломъ во время спору и что шлохранишели его преслѣдуютъ тебя :

найди между друзьями своими хопя одного, который бы предложил тебѣ убѣжище и защиту.

Дели, доврчивый, какъ обыкновенно бывающъ молодые люди, съ воспоргомъ согласился исполнить желаніе опца; пріугошвленія были скоро окончены. Преслѣдуемый своими невольниками, онъ бѣжитъ къ первому ближайшему другу: любезный Горамъ, спаси меня, говоритъ онъ ему: въ минушу бѣшенства я поразилъ кинжаломъ могущественнаго Аль-Маймуна, Визиря, любимца Сулпанова; его тѣлохранители меня преслѣдуютъ. — Аль-Маймуна! вскричалъ другъ его, бѣднѣя отъ страха; удались отъ моего жилища; меня почтутъ своимъ сообщникомъ, бѣги... — Меня преслѣдуютъ! Горамъ, именемъ нашей дружбы заклинаю тебѣ спаси меня.

Вмѣсто всякаго отвѣта, вѣрный другъ заперъ дверь.

Дели, смущенный нѣсколько симъ началомъ, лепитъ къ другому, къ третьему; наконецъ объѣгаетъ весь городъ и отъ cadaго изъ друзей получаетъ пошъ же отвѣтъ и опказъ. Одинъ изъ нихъ, который болѣе про-

чихъ льспилъ Дели, былъ столь жестокъ, что хошълъ даже насильно удержашъ его, дабы предать пѣлохранишелямъ Визиря, крича: вопъ убійца, я предаю его вамъ. Раздраженный Дели вырвался изъ ихъ рукъ и съ прискорбіемъ возвратился домой.

Гдѣ друзья твои? спросилъ Саидъ, улыбаясь. — Ахъ, гнусные обманщики! вскричалъ съ яростію юноша, низкія и коварныя души! Я вижу, что нельзя болѣе надѣяться сыскашь друга. — Юноша! я имѣю одного; но онъ другъ мой. — Не хвались, родишель мой! ты столько же несчастливъ какъ и я; я испыталъ Бекира, швоего друга; онъ невыдержалъ и перваго испытанія.

Онъ разсказалъ старцу, что Бекиръ отказалъ ему во спѣ унціяхъ. Саидъ улыбнулся: пойдешь, сынъ мой; испытаемъ его какъ и другихъ, не для меня, ибо я увѣренъ въ немъ; я хочу показашъ тебѣ, каковъ другъ швоего опца. Возьми кинжалъ швой и поспѣши испыташъ Бекира шеперь, когда горестъ и гнѣвъ безобразяшъ лице швое. Ахъ, родишель мой, онъ навѣрно откажетъ мнѣ въ помощи; и ты будешь имѣть справедливую причину извинишь его, если онъ со мною поступишъ,

какъ прочіе. Почему? — Сегодня я оскорбилъ Бекира; я угрожалъ выгнать его изъ моего дома. Неблагодарный молодой человекъ! что значить эта причина. Бекиръ мнѣ другъ; поспѣшимъ: я самъ поведу своихъ невольниковъ.

Дели повинуется; бѣжитъ, спучитъ въ дверь Бекира; спарець опворяетъ. Спаси меня, спаси Бекиръ, за мною гонюся; я Войди поскорѣе, сказалъ Бекиръ; впащиль его въ домъ и заперъ дверь.

Что съ побою сдѣлалось? чего ты хочешь? — Кинжалъ сей обогреть кровію Визиря Аль-Маймуна; спража его преслѣдуетъ меня. — Несчастный! въ сію самую ночь темноша запрепятствовала, я думаю, узнать тебя; дай мнѣ твое оружіе, спасайся чрезъ садъ: онъ смеженъ съ городскими стѣнами. Ты можешь перелѣзть черезъ нихъ изъ бесѣдки. Мнѣ оспается жить нѣсколько дней: благодарю Всемогущаго, что могу сими днями пожертвовать любезному моему Саиду.

Невольники, сопровождаемые Саидомъ, начали уже спучать. Спасайся, вскричалъ Бекиръ, вырывая у него кинжалъ. Онъ опворилъ двери и сказалъ переряженнымъ невольникамъ: я убійца Аль-Маймуна, умертвите

меня. Въ сію минушу Саидъ, другъ его, для копораго онъ совершилъ споль благородное пожертвованіе, приближаешся и бросаешся въ его объятія. Удивленный Бекиръ не вѣрнпшь чувспвамъ своимъ, прижимая друга къ препенущему сердцу. Юный Дели приближался къ вѣрнымъ друзьямъ и Саидъ разсказаль Бекиру испытаніе и заблужденіе своего сына.

Почтенный спарець, обратясь къ Дели, сказаль: молодой человекъ! заблужденіе шебъ спойспвенно; легковѣріе швое еспшь слѣдспвіе возраста. Но выслушай слова мудрости: они покажутъ шебъ пушь къ спаспію. Дружба не еспшь скороспѣлый плодъ; шы не найдеш ее въ пиршествахъ, упоенія конхъ она спрашнпшь; ни близъ вельможъ, роскошныхъ жилищъ конхъ она убѣгаешъ; ни у злыхъ, конхъ сердца не исполнены ею. Подобно спаспію, она вездѣ и нигдѣ; чшобъ обрѣспи ее, познай добродѣшель, мой сынъ, единое сокровище, могущее доспавнпшь права на дружбу. Будь великодушень, человеклоубивъ, чувспвшптеленъ и мудръ, и немедленно сердце друга для шебя опкроешся; наиболѣе помни, чшо скорая привязанность непро-

должнышельна; пальмы Идумейскія распушь медленно, но листья ихъ вѣчны.

Дели послѣдоваль совѣшамъ спарца. Извлеченный изъ круга разсеѣанія, въ кошорое былъ ввергнушь роскошною жизнью, онъ вступилъ въ общесшво благоразумныхъ людей. Сулпанъ въ воздаяніе усердной службы отца, опредѣлилъ его къ должности, гдѣ онъ могъ прудиться для славы Государя и пользы отечесшва. Онъ спарался снискашь друга; но опышы его были неудачны; спустя уже нѣсколько лѣшь, бросаь въ объашія отца и Бекира, онъ сказалъ: поздравьше меня, наконецъ я нашель себѣ друга! . . .

Спарцы возвели руки къ небу и воскликнули: да приметъ шеперь насъ Всевышній въ Свои селенія! —

И. Б. — вѣ.

Едва сажень земли испрошена на силу,
 Мольера навсегда успѣла скрыть въ могилу.
 Соль ненависная, въ то время, для глупцовъ,
 Причислена въ разрядъ замысловапыхъ словъ;
 Тогда взявъ щеголей, иль Баронессъ одежды,
 Киченю зависни покорные невѣжды,
 На прелесть новую дерзали возставатьъ,
 При кипромъ замыслѣ плечами пожимаешь.
 Тѣ правильного лицъ явленія просили,
 Тѣ скоро разсердясь, изъ кресель уходили.
 Клишь мысля, чпо съ него срисованъ *Лицелѣръ*,
 Сулилъ писателю за шуточки косперъ,
 Подлянкинь вопіяль, чпо комикъ всѣхъ безсла-
 виль,
 И въ жертву черни, Дворъ на зрѣлицѣхъ предспа-
 виль;

Но Парка лишъ пѣвца желѣзною рукой,
 Изъ сѣни суешной послала на покой,
 Узнали, сколь была поперя драгоцѣнна,
 Сама Комедія съ нимъ вмѣспѣ поражена,
 Жестпокой сей ударъ съ шрудомъ перенесла,
 Едва ль въ полсапожкахъ — и усноянь могла.
 Вопъ положеніе у насъ шупливой сцены!

Софокла по слѣдамъ взявъ скипетръ Мельпо-
 мены,

Одинъ соземцовъ пы лишъ можешь восхищанъ,
 Въ Корнеля старости Парижъ весь ушѣшанъ,
 Дивисья переспанъ, коль зависнь ковъ спле-
 шаетъ

И чернымъ ядомъ лавръ зеленый окропляешь.
 Пустьъ возстаешь она, сдружася съ клеветой;
 Расинь, познай уставъ премудрости свяшой,
 Которая всѣхъ жизнь, дѣянья всѣхъ объемлешь;
 Даръ шоржествующій въ насъ унываетъ, дре-
 млешь;

Но подспрекаемый враждебностью крамоль,
 Искусства своего восходишь на пресполь,
 Когда тѣсняшь его,— возросъ и укрѣпился
 Родрига угнѣли,— то Цинна возродился.
 На Пирра кришика пвой оскорбляя слухъ,
 Вдохнула, можешь бышь, высокій въ *Бурра* духъ.

Не спорю, что громка моя не сполько слава,
 Чпобъ ею множилась завистниковъ справа;
 Но смѣлая успа уклонности не знавъ,
 Давно гонимельмъ мой обнажили нравъ.
 Мнѣ пользы болѣе ихъ ненависть приносить,
 Чѣмъ даръ (хотя его сполица превозносишь),
 Ихъ желчь, люща ядъ пропивъ моихъ спиховъ,
 Спощкнущся не велишь на крупизнѣ холмовъ.
 Коль смѣло что черкнешь перо мое спихами,
 Я вспомню, что меня всѣ сперегутъ—глазами;
 Услыша судъ, спѣшу ошибки поправляшь
 И выгоду себѣ опъ злобы доставляшь.
 Коль огласяшь, что въ ровъ попалъ, иль упадаю,
 Я въ мигъ поднявшись, имъ не медля опвѣчаю,
 Усиляшся ль меня къ преступникамъ причестъ,
 Крѣпясь въ достоинствахъ, мою свершаю месъ.

Учись мнѣ подражать, хопь зависть опол-
 чился

И сонмъ словесниковъ безграмотныхъ явится;
 Ты злобой пользуйся и полкомъ словъ пу-
 спыхъ,

Мимопекущему посмѣйся воплю ихъ,

Что можешь, мнѣ скажи, невѣжды съ злой пол-
 пою!...

Облагороженный Французскій Пиндъ побюю

Противъ враговъ себя стремишься оградить,

И справедливый судъ попомства упредишь.

Скажи, кто Феды зря печаль и сокрушенье,

Почти невольное правъ чести преспуиленье

За образцовый трудъ не наградишь хвалою?

Сполѣсье славное ты превознесъ собой,

Украсяя Расинъ твоихъ даровъ плодами,

Оно воздасъ тебѣ средь поздныхъ лѣтъ сле-
 зами.....

Однако не сердись, коль Пустословъ знапокъ

Является къ твоимъ прагедіямъ жестокъ;

Бѣда ли то, коль насъ читать Вралевъ не спа-
 нешь,

Или на обоихъ онъ кришикою грянешъ,

Иль будущъ величашъ буквальники одни;

Другаго лавра жду себѣ я въ наши дни,

Желаю, чшобъ хвала росла— опъ года къ году,

Чшобъ нравишься могли вельможамъ и народу,

Чшобъ удоспоишь стихъ вниманьемъ кроткій

Царь,

Чтобъ мы плѣнили слухъ спешенныхъ нашихъ
барь.

А прочіе чпецы,— Богъ съ ними, пусть насъ
кинушь;—

Хорошіе стихи опъ толковъ не погибнуть.—

Я для моихъ стиховъ ищу прямыхъ судей,
Я дорожу хвалой разборчивыхъ людей;

Надъ лицами пѣвцовъ иной пусть вѣкъ тру-
дится

И будетъ надписямъ писателей дивиться,

Забывъ, что есть въ стихахъ и тонкой вкусъ
и складъ,

Марону предпочесть онъ Бредорета радъ.

Графъ Хвостовъ.

Тополь сребристый, защитникъ унылый,
Милой опъ знойныхъ лучей!
Ты ли шумишь, надъ возглавьемъ могилы,
Желшой одеждой своей?

*

Вихри бушуйте, свирѣпствуйте бури,
Рвите покровы лѣсовъ.
Скройся навѣки сводъ горней лазури,
Въ сѣни густыхъ облаковъ!

Я. Р — ц — ъ.



ПѢСНЬ БЛАГОДАРНОСТИ
ОТЪ ЛИЦА ВОСПИТАНИЦЪ ОБЩЕСТВА БЛА-
ГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ, ПО ОКОНЧАТЕЛЬНОМЪ
ПУБЛИЧНОМЪ ИСПЫТАНІИ, 1821 ГОДА ФЕВ-
РАЛЯ 14 ДНЯ.



ХРАМЪ МИНЕРВЫ.

Пѣвица.

Конченъ путь; Минервы храма
Мы досишли наконецъ.
Вмѣсто жертвъ и фиміама,
Принесемъ Ей жарь сердець.
Трудъ забышь — и мы блаженны:
Видимъ ликъ Ея священный.

Совершился надежды,
Чѣмъ дышали мы въ пупи.
Опрямемъ же прахъ съ одежды,
Чтобъ въ святилище войши;
Посохъ странничій поставимъ
И Премудрую прославимъ:

Хоръ.

Мглою подернуть сводъ лазури;
 Ночь на землю налегла;
 Фебъ проглянулъ — скрылись бури,
 И природа ожила.
 Такъ и мы во шъмѣ блуждали,
 Все скорбѣли унывали.

Озаренное Палладой,
 Наше мрачное чело,
 Вдругъ небесною опрадой
 И весельемъ разцвѣло.
 Не Ея ль создали длани
 Бѣлоснѣжны эпи шкани?

Вопь олива зеленѣеть!
 Чтوبъ скрѣпить съ землей союзъ,
 Древо не Она ль лелѣеть
 И подь пѣнь сзываетъ Музь,
 Поучить насъ ихъ устами,
 Душу услаждать спрунами?

Передъ Ней, въ спѣнахъ свяпыни,
 Негасимый огонь горить:
 То залогъ чпо взоръ Богини,
 День и ночь о дѣпяхъ бдитъ.
 Чпо же Мудрой угоповить?
 Спанемъ вѣчно славословить.

Пѣвица.

Скоро, скоро соберемся
На разлуку въ храмъ семь.
О подруги, поклянемся
Предъ Минервинымъ лицомъ
Къ ней въ любви неизмѣнной,
Въ дружбѣ межъ собой неплѣнной!

Слышу вздохи; на ланипы
Льются слезы изъ очей.
Ахъ, упѣшшесь: не забышы
Дѣти Машерью своей,
Очупитесь за морями,
Взоръ Аѳины будешь съ вами.



ПОСЛАНИЯ.

I.

Къ Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову.



Какъ долго я минуть счастливыхъ ожидаль
Исполниль Вашего Сіятельства *желанье*

И собственное обѣщанье,

Которое съ такой охотою вамъ далъ:

Къ вамъ написать *Посланье!*

Бывъ множествомъ заботъ обремененъ,

Которы съ Музою моею недружатся,

Я часто принужденъ

Съ цѣвницей на-долго распашься.

И дѣлать то, чего бы и не хотѣлъ.

Свобода и покой— вотъ что Поэту нужно!

Спокоенъ онъ— поешъ, когда ему досужно;

Спокойствіе жъ не мой удѣлъ!

Ищу его; — но гдѣ найши, кто скажетъ?

Кто вѣрную спезю миѣ къ счастью покажетъ?

„Довольство и покой — о жалкіе слѣпцы! —

„Внутри сердца вашего: тамъ кладь наслажденій;

„Тамъ ваше счастье“ . . . гласятъ намъ мудрецы.

Чтожь сердце наше? — Центръ различныхъ впечатлѣній,

Которыя нашъ духъ превожашъ и мялупъ, —
 Вмѣспилище всего, что чувства,
 Различно пронупы, душѣ передающъ.

Скажишежь, мудрецы, намъ шаинство искусства:
 Ихъ дѣйствію на сердце возбраняшъ,
 Порывами желаній управляшъ...

Но ахъ! вы преданы, какъ мы, спраспей волне-
 нью;

И васъ очароваль сей свѣшь —
 Сей ложною красой плѣняющій скелешъ;—
 И вы гонялешесь минутныхъ благъ за шѣнью!...
 И такъ спокойствіе — пока мы *здѣсь*, не *тамъ*,
 Пока мы данъ плашишь принуждены мечшамъ,
 Пока не умерли въ насъ пылкія желанья, —
 Ошъ мудраго зависить сочетанье
Небеснаго съ земнымъ. — Что бы не бышь въ
 одномъ

Разридѣ со скопомъ,
 Умъ нужень — даръ Небесъ. Но лучшія созданья
 Всевышней мудрости, съ однимъ лишь ихъ умомъ,
 Безъ благъ земныхъ, *ничто* для глазъ приспра-
 спныхъ свѣша...

Ничпожеспво жъ не полько для Поэша —
 Несносно для просныхъ людей:
 Оно ширанъ спокойства нашихъ дней. —
 Не сынъ я счастья, благъ шѣнныхъ не имѣю,
 И нежелаю ихъ имѣшь;
 Но лязя ли по морю съ одной худой ладьею,
 Безъ парусовъ и безъ кормы лешѣшь?...

Не нужны, говоряшь, Пѣвцу дары Фортуны;
Онъ гражданинъ спраны какой-то не земной.
Но если Аполлонъ на лирѣ золошой

Имѣеть золощія спруны,

И нѣкогда Пѣвцамъ пакія жь раздавалъ:—

А злато, знаемъ мы, естъ дорогой мешалль,

Есть лучший даръ Фортуны;—

Къ тому же любипь онъ наружноспью блиспашь,

Великолѣпно одѣвапья,

Съ Парнасса на Олимпъ, на пиръ къ богамъ ле-

тапья,

Амврозіей и нектаромъ пишзпья:

Такъ можно ли опцу сыновъ не соблазипья

Такою роскошью, и нѣгой, и весельемъ?

И можно ль жизни имъ подобной не любипья?

Какъ имъ довольнымъ быпья однимъ сухоѣденемъ,

Всему предпочипья свой уголь чердака,

И грѣтъся лишь воображеньемъ

Вокругъ пустаго камелька? . . .

Примѣръ сильнѣй всѣхъ мудрованій.

Какихъ ни прилагай спараній,

Роскошный чпюбъ богачъ умѣреннопья любипья,

Гордецъ безумный спалъ умнѣе,

Учпивѣе, добрѣй, скромнѣе;

Другъ Вакха презво бь, ппихо жипья;

Чпюбъ бѣдный не искалъ богатымъ быпья и знан-

нымъ;

Рой вѣпреныхъ головъ—плѣняпья собой другихъ,

И щеголяпья умомъ и вкусомъ непоняпнымъ;

Чтожъ дѣлать имъ? пускай въ гудокъ играютъ
свой!

Но странной ихъ напѣвъ арписта оскорбляешь.

Кпожъ слушаешь ихъ велишь?

Худаго автора читать кто принуждаетъ?

Или пѣвцу нельзя въ безвѣстности почитать?

А чтобъ пвореній ихъ полна рѣка забвенья

Не сдѣлала, берега распоргнувъ, наводненья —

Заранѣ преградить безумцу къ славѣ путь;

*Плохова автора съ Парнасскихъ горъ столк-
нуть! . . .*

Но право быть судьбою на Парнасѣ

Однимъ лишь Геніямъ дано;

А мнѣ не суждено

На гордомъ развѣзжать Пегасѣ,

Свѣшпильникъ крипики всегда съ собой носишь

И имъ Парнасскихъ совъ и филиновъ слѣпишь.—

Люблю прекраснымъ наслаждаешься,

Не замѣчая дурнопы;

Конечно мой легко вкусъ можешь ошибаться,

Погрѣшности считаешь за красоты

И ими восхищаешься.

Я веселье — вопшь мое; что нужды до того,

Всѣ ль мнѣнія со мною одного,—

Всѣхъ веселишь, иль нѣшь, мое веселье.

Ахъ! сердцу доброму лязяль равнодушнымъ быть,

Когда во всемъ лишь будешь находить

Одни пороки, заблужденье,

А истины, красотъ — ни въ чемъ! . . .

— Но это крайности; а крайности опасны —

Вы скажете — во всемъ;

Средина — мудрыхъ пущь и вѣрный и прекрасный. —

И такъ позволше, Графъ, мнѣ при своемъ оспашься:

По своему прекраснымъ наслаждашься,

О прочемъ же молчашь.

Одно лишь Вашему Сіятельству сказать

Могу предъ всѣми откровенно:

Что ваши всѣ пворенія чиналь,

И съ подлинниками инья повѣряль —

И былъ доволенъ совершенно!

Вы рѣдкое искусство, Графъ, нашли

Переводить классическихкихъ Поэповъ;

Избравши лучшія изъ множеспва предметовъ.

Не смѣю ваши я пворенія цѣнить:

Хоть нечуждается паланпъ хвалы не лестной;

Но скромности онъ другъ, — а *ваша* всѣмъ извѣспна;

Легко хвалой ее могу я оскорбить.

Живому Авпору (прекрасно ваше мнѣнье!)

Недолжно голою плѣняпья похвалой! —

Попомство скажешъ судъ объ немъ правдивой
свой!

И что, скажете, Графъ, орлу въ его паренья

Къ небеснымъ высотамъ,

Въ долинь комара жужжанье? . . .

Но какъ меня почпишь угодно было вамъ

Знакомствомъ, лаской и Посланье
Такое видѣшь опъ меня,
Гдѣбъ искренность одна перомъ моимъ водила:
Я долгомъ счелъ приятнымъ для себя
Сказашъ, что Муза мнѣ нельспивая внушила!
И если некрасно — въ шомъ не моя вина;
Я то лишъ могъ писашъ, что мнѣ она
Въ минушы крапкія бесѣды сообщила.—

Александръ Склабовскій.



II.

КЪ ПЛѢНИРѢ.



Не спану призывашь
Напрасно Музь и Грацій,
Не Пиндарь, не Горацій —
Не смѣю и мечпашь,
Чпобы красы небесны,
Склонясь на лирный звонь,
Забыли Геликонь
И въ домъ сошли мой пѣснй —
Со мной сплести вѣнецъ
Тебѣ, краса сердець;
Увы! еще безвѣспный
И юный я пѣвецъ! . . .
И спрахъ мой не напрасень! . . .
Чей ликъ — какъ солнце ясенъ,
Душа — какъ свѣплый день,

.
.
.

Улыбка на устахъ,
Румянецъ на щекахъ —
Съ самой Авророй въ спорѣ!
Небесный цвѣпъ въ очахъ
И молніи во взорѣ;

.

.
 Какъ спонкій медь — дыханье,
 Что вздохъ — благоуханье —
 Амуру фиміамъ!
 Ему и въ сердце храмъ
 И жертва слезъ во взорѣ.
 А умъ . . . бѣда и горе
 Лукавымъ всѣмъ умамъ! . . . —
 Возможно ль вдохновенья
 И ждаль опъ Музь, Харитъ,
 Воспѣшь подобный видъ
 Въ восторгахъ умиленья?
 Ахъ, дѣвы — какъ у насъ —
 И въ небесахъ ревнивы!
 Богини — молчаливы,
 Безъ слуха и безъ глазъ
 На прелести чужія.

Нѣшь, Музы молодья
 Съ недивною, простой,
 Застѣнчивой игрой,
 Божественнаго пѣнья
 Не согласяшь опнюдь. —
 Почпожь препенещь грудь
 Въ минушы упоенья,
 Въ крови шаишся жаръ:
 Тебя любишь и славишь,
 Когда вполне представишь
 Тебя, мой скудень дарь!
 Ахъ! мнѣ ль воспѣшь Плъниру?

Почто желаешь ты
 Мою услышать лиру?
 Въ ней нѣтъ ни быспрошы,
 Ни силы, ни искусства;
 Одно въ замѣну: чувства. —
 Услышишь слабый спрой
 Не звучной лиры, скромной —
 (Древесной, не златой)
 Какъ будно подъ корой
 Спенанья Дафны помной;
 Какъ будно бы въ глуши
 Дубравной листьевъ шопощь;
 Какъ спруй бѣгущихъ ропощь;
 Какъ сумрака въ пиши
 Шлесканіе Наяды;
 Какъ сиропы — Дріяды
 Послѣдній вздохъ души;
 Какъ шумъ опъ крыль зефира,
 Какъ препенеть двухъ сердець;
 Какъ робкій, наконецъ,
 Твой поцѣлуй, Плънира!

Н. Сушковъ.

II. К Р И Т И К А.

РАЗБОРЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: *ТОСКА АРАБА* *ПО МИЛОЙ.*

Во второй книжкѣ *Невскаго Зрителя* (нынѣшняго года) напечатано стихотвореніе: *Тоска Араба по милой*, первый опытъ (какъ сказываютъ) молодого Поэта. Стихотвореніе сіе, по справедливости, можно назвать счастливою зарею отличныхъ дарованій Г. Росповцова. Возвышенный полетъ воображенія, тонкій умъ, непримѣнно сливающійся съ глубокимъ чувствомъ, истинное одушевленіе и рѣдкій даръ избирать счастливья положенія, все показываетъ, что Музы возлюбили его отъ колыбели. Блаженъ, кто подобно ему, на разсвѣтѣ жизни позналъ сладость удовольствій нравственныхъ, и кругъ дѣятельности своей, при первомъ шагѣ, ознаменовалъ за-

няшіями споль благородными. Пѣвцы всѣхъ вѣковъ и народовъ будущъ сопровождаютъ его по скользкой спезѣ жизни, и лирный звонъ ихъ не заглушитъ ли бурю непогодъ и мирскихъ превратностей? И на закашѣ дней, не ожидають ли сѣдовласаго Барда сладостныя воспоминанія о прошедшемъ?

Ежели ненапрасно поселянинъ опъ благовременнаго посѣва ожидаетъ обильной жатвы; то первой опытъ молодаго Поэта не предвѣщаетъ ли и намъ будущихъ блистательныхъ успѣховъ его на обзорѣ опечесивенной Липпературы?

Сіе стихотвореніе вылилось изъ сердца, конечно, чувствительнаго, образовалось подъ перомъ смѣлымъ, и творецъ его, не страшась, можетъ сказать: anch' io sono pittore. Богатство Поэзіи, новые и смѣлые обороты, счастливыя уподобленія и сравненія, прелестный, исполненный жизни слогъ — вопшь чшо даетъ сей Элегіи неоспоримое право быть украшеніемъ всякаго періодическаго изданія.

Почтенные чипатели *Невскаго Зрителя* можешъ быть обратили должнаго ениманія на плодъ пера, досель неизвѣснаго:

не рѣдко проходимъ мы равнодушно мимо карпины Клоделореня, и оспанавливаемся передъ шой, на которую обращены взоры многихъ. Уединенный наблюдапель любуешя первую и поспояннымъ своимъ вниманіемъ мало по малу привлекаешъ къ ней и другихъ. Счастливь, ежели я слабыми своими замѣчаніями склоню чипапеля хопя разъ еще раздѣлишь поску съ Арабомъ.

Приближавшіеся къ Дельфійскому храму восхищались надписью на врапахъ: „*Познай самаго себя:*“ равнымъ образомъ и меня плѣняешъ самое названіе Элегіи;

Тоска Араба по милой.

Слово *тоска* здѣсь прекрасно: оно просто, сильно, краснорѣчиво и никакимъ другимъ замѣнено бышь не можешъ; поспавыше *горестъ, пегаль*, — и языкъ сердца исчезнешъ. — Спихопворецъ начинаешъ:

Свершилось! — нѣшь Зафны, нѣшь болѣе милой!

Угасни на вѣкъ для несчастнаго свѣшь,
Умчися конь вѣрный; нишь жизни поспылой
Порвися! нѣшь Зафны, души моей нѣшь!

И пошчасъ проводишь взоръ чипапеля во глубину сердца Араба. — У обыкновеннаго

Поэта надлежало бы напередъ пройщи чрезъ длинный холодный приспупъ, и за будущее удовольствіе заплашишь скукою. — Слово *свершилось*, копорымъ открываешся стихотвореніе, въ полной мѣрѣ выражаешъ все опчаяніе несчастнаго Араба: ибо сильныя спраши нетерпящъ многорѣчія; а пропапельное обращеніе его къ коню, вѣрному другу, къ жизни, копорая для него съ упрашою драгоцѣннаго существа сдѣлалась уже шяжкой, начерпано кистію нѣжною. — Самый глаголь *порвися* (а не прервися) здѣсь очень у мѣста, ибо онъ показываешъ шу простоту и безыскусственность въ выраженіи, копорая должна бышь непремѣннымъ удѣломъ Элегическихъ стихотвореній.

Сокрылись любви мечпанья игривы,
 Какъ упра шуманы, какъ сонъ пронеслись,
 И пылкаго сердца младые порывы,
Подъ тяжестью рока, въ душѣ улеглись.

Вѣрныя уподобленія, милые эпитеты, и несравненный послѣдній стихъ: *подъ тяжестью рока, въ душѣ улеглись*: — все показываешъ юный талантъ, покровишельствуемый самимъ Аполлономъ.

Безъ Зафны, какъ всадникъ безъ лука средъ
 бипвы,
 Брожу обипатель пуспынныхъ полей,
 Безмолвень средъ пиршествъ, уныль въ часъ
 ловипвы;
 Всѣ сердца мечтанья, всѣ радости въ ней!

Безприсраспіе должно замѣшишь, что
 стихи эти слабѣе первыхъ, да и сравненіе
 выражено темно.

Ничто отъ души не отгонитъ спраданій:
 Ни грозный звукъ брани, ни крикъ ликованій,
 „Нито отъ души не отгонитъ страданій,“
 оборотъ, по моему мнѣнію, неудаченъ, а соеди-
 неніе однозвучныхъ, одноокончательныхъ
 словъ въ одномъ и томъ же стихѣ: брани,
 ликованій, не совсѣмъ пріятно для слуха.
 И смертныхъ опрада — сіяніе дня,
 Не свѣтъ посылаешь, а грусть на меня!

Прекрасная мысль, показывающая наблю-
 дающаго души человѣческой: въ самомъ дѣлѣ
 спраждущему съ самыми лучами солнечны-
 ми, ушѣшипельными для всякаго другаго,
 кажется льется только печаль съ неба.
 Гдѣ, гдѣ ты, другъ вѣрный, души упоенье,
 Гдѣ сердца дыканья, гдѣ радость очей?
 О Зафна!... я гасну!... брось взоръ — ушѣ-
 шенье,
 Дай слышать звукъ милый волшебныхъ речей! —

Позволь подышать наслаждениемъ прежнимъ,
 О Зафна! молю, не опвергни мой спонь....
 Позволь.... но глушимый волнь плескомъ при-
 брежнымъ,
 Лишь гулами дальними впорится онъ;

Вошь испинная поэзія! паковъ языкъ
 любви идеальной.—*Взоръ — утѣшенье*, счастп-
 ливое соединеніе двухъ понятій, одно дру-
 гимъ оживляемыхъ. Какъ у мѣспа эпо прер-
 ваніе: *Позволь, но елушимый волнь плес-*
комъ прибрежнымъ, лишь гулами дальни-
ми вторится онъ. Жаль, что прекрасные
 эпи стихи оканчиваются мѣспоименіемъ
онъ, приведеннымъ, вѣрояпно, для риѣмы;
 впрочемъ вообще односкладными словами сти-
 хи оканчиваются непріятно.

Лишь жадные вихри его (спонь) поглощаютъ.
 Свершилось.... свершилось.... такъ,—солнца
 лучи,

О Зафна драгая! пвой холмъ озлащаютъ....
 Ахъ! лейшеса слезы на перси мои!...

Все щещпно.... быль можеть.... въ сей часъ
 безопрадный

Твой прахъ исплѣваепъ....и змій кровожад-
 ный

И, злая гіена.... эхидна.... о страхи!

Пусть выщепеть сердце въ горячихъ слезахъ!

Остановимся на эпихъ спихахъ: *жадные вихри*, оборотъ конечно смѣлый, но пѣшпическій, которому глаголь *поглощать* придаетъ новую красоту и силу, ибо выдерживаетъ метафору. — *Свершилось, свершилось, такъ*—повтореніе слабое одной и той же мысли. — *Солнца луги, о Зафна драгая! твой холмъ озлащаютъ* Здѣсь любезный поэтъ воспользовался правомъ спихошворческой вольности: перемѣщая падежи и переноситъ мысль изъ одного спиха въ другой. *Ахъ лейтеса слезы на перси мои!* — прогашельно! Что же касается до бѣдности рѣзвы *луги, мои*, то я не останавливаю вниманія чпшапеля на сей ничпожной погрѣшности: опыскивать столь маловажные недоспашки въ произведеніи, исполненномъ пѣшпическихъ красотъ, значитъ приносить дань крипикѣ отрицательной.

Все тщетно. . . быть можетъ . . . въ сей часъ
безотрадный

Твой прахъ исплѣваетъ. . . и змій кровожадный,
И злая гѣна. . . . ехидна. . . . о страхъ!

Пусть выпечетъ сердце въ горячихъ слезахъ!
Чувства глубоки, выраженія сильны, языкъ живописень; но должно замѣнить, что сущеспившпельное *страхъ* не выражаетъ здѣсь шо-

го, что стихотворецъ хотѣлъ сказать, ибо
страхъ значить болѣе боязнь, нежели ужасъ
или опчаяніе. Что же касается до горючихъ
слезъ, то выраженіе сіе можетъ быть оправ-
дано только однимъ закономъ употребленія;
впрочемъ надобно желать, чтобы языкъ нашъ
освобождался отъ подобныхъ выраженій.

Почто же, о Зафна! другъ, милую душу,
Своею душою немогъ изкупить?

Онъ вихремъ чрезъ волны и бранную сушу
Леталъ, но себя не успѣлъ упредить!—

Эти стихи довольно шемны.

Вы, волны морскія, въ кипѣннн яромъ

Почто не пожрали отважну ладью?

Что, грозныя копья, смертельнымъ ударомъ

Изъ плѣла не вырвали душу мою?

Вы, мѣлкія стрѣлы, зачѣмъ пролетали?

Что съ выи глава не снеслась булавой?

Что бурные кони, бойца не стоппали

Въ то время, какъ львами спремилися въ бой?

Здѣсь крипика нѣмѣешь, очарованіе заспу-

паешь мѣсто холоднаго разбора; молчу и только

плѣняюсь. — Живое, пламенное воображе-

ніе поэта достигло высочайшей степени

одушевленія, и каждая строка служитъ

вѣрнѣйшимъ оппечаткомъ пирическаго огня

нашего юнаго пипомца Музы.— Далѣе

Почтожь, Всемогущій, коль презрѣль мольбами,
 Ты бранный сославъ не разрушилъ громами,
 Иль знойнаго солнца палящимъ лучемъ
 Не высосалъ сердца, сокрышаго въ немъ?

И эти стихи очень сильны, особливо послѣдній, но мѣспоименіе, вторично служащее окончаніемъ и шакъ далеко опспоящее опъ своего имени, нѣкопорымъ образомъ ослабляетъ силу выраженія.

О міра Владыка! въ могущей десницѣ
 Коль нѣпъ и громовъ къ прекращенію мукъ:
 Дай новый бѣгъ солнцамъ, пупъ новой денницѣ;
 Быспрѣй да свершаюшъ постылый мнѣ кругъ!
 Капитесь быспрѣе, дни жизни печальной;
 О время! часъ смерти скорѣй принеси;
 Скорѣе, скорѣе, мой гимнь погребальной,
 Окресные доли и степь огласи!—

Какой прелестный переходъ опъ опчаянія къ пихой скорби: онъ основанъ на природѣ сердца человеческого. Нашъ молодой поэтъ зналъ, что одно и поже упомляетъ; послѣ сильной грозы наступаетъ тишина; за бурными волненіями сердца слѣдуютъ минушы пихой горести, въ копорья несчастный, лишившись всего что полько могло привязывать его къ жизни, съ болѣзненнымъ духомъ молишь Вседержителя о скорѣйшемъ

прекращеніи дней, для него уже сягоспныхъ; я говорю, онъ это зналъ, и въ нѣсколькихъ прелестнѣйшихъ спрокахъ начерпалъ намъ полную карпину ушѣшительной задумчивости. Можно ли не плѣниться сею піипическою мыслію: *дай новый бѣеб солнца мб, путь новый денницѣ!* Повторяю снова, что спихопвореніе сіе исполнено Поэзіи.

Мы видѣли начало, любовались серединою, взглянемъ и на конецъ прелестной элегіи. Древніе говорили: *finis coronat opus*; посмотри, выдержалъ ли спихопворецъ сіе правило.

И Геніемъ смерпи душа оживленна,
 Распоргнувъ плѣнь тяжкій пѣлесныхъ оковъ,
 Грядущаго счастья мечшой окриленна,
 Спрѣлою — въ обипель почившихъ опцовъ!
 Тамъ съ милою Зафною счастливы вдвое,
 Воскресши душою, покину земное,
 Какъ пламень безъ пици, какъ упра роса,
 Покинувши землю, лепяпѣ въ небеса.

Похвалишь ли стихи здѣсь приведенные, или, переложя ихъ въ прозу, имъ произнесшь ли должный приговоръ? — Кажется, не нужно ни шо ни другое. — Чипапель конечно

самъ почувствуешь всю красоту ихъ, и вспомя, что это еще первый цвѣтокъ, положенный рукою юнаго шаланпа на алтарь Пьеридъ, не усомнишься принести ему должную дань справедливости; нѣжное сердце его насладится прогашельнымъ изображеніемъ сладостной надежды на скорый переходъ опъ жизни въ вѣчность, сей милой и любимой подруги—душъ чувствительныхъ и несчастныхъ; а пронцапельный взоръ его конечно не пропустишь безъ вниманія и прекраснаго елипса (выпущенія): *стрѣлоу — въ обитель погившихъ отцовъ.*

Тамъ съ милою Зафною счастливый вдвое,
 Воскресши душою, покину земное,
 Какъ пламень безъ пищи, какъ утра роса,
 Покинувши землю, лепятъ въ небеса.

Можесть ли конецъ спихотворенія сего бытъ еще смѣлѣе, красноречивѣе и богатѣе поэзією? Крылапыя мечпы ожидаемаго счастья унесли несчастливца въ область очарованій, гдѣ онъ съ безцѣннымъ другомъ своимъ, уже по ту сторону гроба, надѣется насладиться полнымъ блаженствомъ. Не говорю уже одвухъ

послѣднихъ спрочахъ, гдѣ Поэзія подавши
руку Философіи и соединясь съ вѣрностью
и новостью уподобленія, соспавила нѣчто
необыкновенное, высокое, кошорое и даетъ
пищу уму и занимаетъ воображеніе и про-
гаешъ наше сердце.

И. Б. . . . ѿ.



III. С М Ъ С Ъ .

а) КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ОБЪ АРТИЛЛЕРІИ (*).

*La perfection des sciences est reservée à la succession
des temps.*

Virgin.

Изобрѣшеніе пороха должно почесться однимъ изъ важнѣйшихъ происшествій въ Исторіи Государствъ; ибо никакое опкрытіе не заслуживаетъ столь великаго вниманія, сколь Артиллерія: послуживъ преградою варварамъ въ опустошеніи земель, она имѣла вліяніе на самый духъ народовъ, преобразовала военное искусство, сдѣлала войны не столь продолжительными — слѣдственно и гибельными, и въ скоромъ времени рѣшая битвы и судьбу престоловъ, предоставляетъ Европейцамъ все преимущество предъ прочими народами.

Сіе важное опкрытіе приписываютъ различно: Индѣйцамъ и Кипайцамъ въ XII вѣкѣ. Вѣ-

(*) Извлечено изъ разныхъ сочиненій и журналовъ.

рояпно, что Аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ; ибо восточные Историки XII столѣтія описываютъ его дѣйствіе и упоминаютъ, что Гренадскій Владѣтель въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнеспрѣльный. — Въ Европѣ во времена крестовыхъ походовъ при *Людвигѣ IX*, въ 1294 году, Англичанинъ *Рожеръ Баконъ*, въ книгѣ своей *Nullitatae magia* говоритъ, въ оправданіе себя въ мнимомъ волшебствѣ, о подобномъ пороху составѣ для увеселительныхъ огней. И полагаютъ, что Бернгольдъ Шварцъ, около ста лѣтъ послѣ него жившій, не есть изобрѣтатель онаго, но что онъ только ввелъ его въ употребленіе у Венеціанъ, и первый посредствомъ пороха выспрѣлилъ пулю изъ желѣзнаго ствола. Многіе утверждаютъ, что Венеціане первые — въ войнѣ 1366 года, дѣйствовали огнеспрѣльнымъ оружіемъ противъ Генуезцевъ; и Германцы, доставивъ имъ пушки, научили ихъ стрѣлять изъ оныхъ. Но первоначальные успѣхи Артиллеріи до XV столѣтія были вообще медленны, и самые Рыцари пропивались онымъ; ибо ихъ искусство дѣйствовать бѣлымъ оружіемъ дѣлалось ничтожнымъ предъ силою пороха. *Кассирій* по запискамъ *Альфонса XI* приписываетъ Маврамъ, въ началѣ XIV вѣка, первоначальное употребленіе огнеспрѣльнаго оружія противъ Испанцевъ при осадахъ Аликанша и Алгезираса; а въ 1346 году Англи-

чане въ сраженіи при Креси, имѣли при пушки. Во Франціи кажется первыя орудія сдѣлались извѣстными въ 1330 году при *Филиппѣ Валоа*, и назывались *canons, bombardes et coulevrines*. Къ сему времени должно приписать самыя начальныя извѣстія объ Артиллеріи: но первые опыты въ дѣланіи металическихъ орудій были весьма несовершенны какъ въ разсужденіи самаго ихъ вида, такъ и способа соспавленія и дѣйствія оными; и Испорія научаешь насъ, что съ 1330 года до 1450, пушки, бомбарды и кулеврины были легкія ручныя орудія, кои при *Людвикѣ XI* назывались *ручными пушками (canons de main)*, вѣсили отъ 20 до 50 фунтовъ, и стрѣляли свинцовыми пулями. Онѣ дѣйствовали на малыхъ подвижныхъ лафетахъ, а самыя легчайшія употреблялись на козлахъ или желѣзныхъ вилахъ, въ землю вопкнурыхъ.

Около 1411 года великое множество пушекъ и кулевриновъ находились въ войскахъ, изъ коихъ до 300 бомбардовъ или пушекъ употребляли при осадѣ крѣпости, и отъ двухъ до четырёхъ тысячъ кулевриновъ въ полевыхъ сраженіяхъ. Швейцарцы въ Морапскомъ сраженіи изъ 10.000 тысячъ кулевриновъ стрѣляли по непріятелю; и сіи орудія нисколько несходствовали съ пѣми, кои въ послѣдствіи времени были изобрѣшены, но соспавляли родъ большихъ му-

шкешовъ или ружей. Между тѣмъ въ Италіи, для дѣйствія въ полевыхъ сраженіяхъ, изобрѣнены были пистолепы еще въ 1364 году въ городѣ Перужіѣ, а въ 1378, какъ въ сей спра-нѣ такъ и въ Германіи, фишиль былъ введенъ въ употребленіе.

Дѣйствіе малой Аршиллеріи подало мысль къ изобрѣщенію большихъ пушекъ и бомбардъ, кои въ 1420 году были сдѣланы для осажденія и защищенія городовъ, изъ коихъ подобныя имъ орудія уже употреблялись въ 1338 году еще при *Карлѣ VI*. Сии орудія были весьма коротки, и сославляли родъ морпирь; изъ нихъ стрѣляли камнями. Съ сего времени до 1450 года, пушки не вѣсили болѣе 120 фуншовъ, а съ 1400 года чугунныя ядра замѣнили каменныя.

Судя по войнѣ *Карла VIII* въ Италіи, мы видимъ, что у Французовъ и Венеціанъ Аршиллерія была легка и удобно могла слѣдовать за движеніями войска: ибо при трудномъ опспу-леніи его при Понпримоли, 200 Швейцарцевъ взялись переправить его аршиллерію чрезъ горы. Сего же года Венеціанская батарея, въ сраженіи Таро близъ Пармы, была сбита Французскою. Вообще приписываютъ *Карлу VIII* въ 1490 году облегченіе полевыхъ орудій, и достойно примѣчанія еще и то, что въ 1445 го-

ду было употреблено загвозденіе или заколачиваніе орудій.

Въ сіе время пушки дѣлались большею частію изъ желѣзныхъ прущевъ, по длинѣ орудія окованныхъ желѣзными обручами: почему и назывались *кованными*. Изъ оныхъ спрѣляли каменными ядрами огромной величины, и для сего должны были бытъ большаго калибра. Подобно симъ древнимъ орудіямъ, хранился въ Мальпійскомъ арсеналѣ пушка соспавленная изъ желѣзныхъ полосевъ, окованныхъ кольцами, и ушвержденныхъ въ деревянномъ фушлярѣ, обшянупомъ весьма полстою и крѣпкою кожею, споль искусно выкрашенной, что съ виду оная совершенно походитъ на мѣдную. Во Франціи были свершныя пушки, кои заряжались сзади опъ шорели. Къ сему времени, т. е. начиная съ 1500 года, должно приписать изобрѣшеніе органиныхъ огнеспрѣльныхъ орудій или батарей, состоящихъ изъ многихъ вмѣстѣ сложенныхъ ружейныхъ дулъ, зажигаемыхъ вдругъ помощію пороховаго провода. Въ послѣдствіи сіи легкія оружія были болѣе усовершенствованы, и въ 1517 году изобрѣнены въ Нюренбергѣ для ружей и пистолеповъ Нѣмецкіе замки: а въ 1521 году введены въ войскахъ мушкеты.

Непрочность Артиллерійскихъ орудій, не позволяя употребить большіе заряды, была

причиною въ слабомъ дѣйствіи Артиллеріи, а сіе способствовало новымъ открытіямъ; ибо начали для сего опливать чугуныя орудія, въ коихъ вѣсъ и калиберъ постепенно увеличилися. Но по непрочности чугуна, опливыя орудія были весьма полсны въ спѣнахъ, тяжелы, и, будучи подвержены ржавчинѣ, отъ вліянія воздуха и отъ дѣйствія пороха, скоро испреблялись; надлежало ихъ улучшить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исправить другіе въ нихъ пороки, и первое преобразование состояло въ перемѣнѣ канала орудія, копорый прежде сего будучи сдѣланъ коническимъ, былъ совершенно неудобенъ для дѣйствія зажженного пороха всей силою на ядро, и для доспавленія ему надлежащаго поля. И пошому при *Людовикѣ XI* въ 1470 году, послѣ чугуныхъ орудій, начали опливать мѣдныя, и преобразовали какъ наружный такъ и внутренній ихъ видъ; каналъ дѣлали цилиндрической, по крайней мѣрѣ въ шой часпи, кошорую пробѣгаетъ ядро; а для лишья пушекъ составили изъ красной и зеленой мѣди, шпіаупера и олова *артиллерійскій металлъ* или бронзу, копорая нынѣ состоипъ изъ одного смѣшенія красной мѣди съ оловомъ, и употребляется во всей Европѣ для полевой Артиллеріи.

Въ 1470 году была оплива въ Турѣ огромная пушка наподобіе нашей морпиры, изъ коей стрѣляли ядрами въ 500 фуншовъ вѣсомъ,

и по преданіямъ утверждающъ, что полеть проспирался отъ Баспилиі до Шаранпона (на нѣсколько миль). Самое длинное орудіе во Франціи было вылипо — кулеврина, въ Нанси 1598 года, и хопя она имѣла 22 фуша длины, но ядра лепѣли не далѣе какъ изъ обыкновенныхъ орудій. При *Людвикѣ XII* и *Францискѣ I* тяжелая осадная Арпиллерія спрѣляла ядрами въ 50 фуншовъ, и уже въ 1450 году она раздѣлялась на осадную, крѣпостную и полевую.

Со времянь *Людвика XI* до *Генриха II*, ш. е. отъ 1450 до 1550 года, Арпиллерія была многочисленна, и начинала имѣть большое вліяніе на военныя дѣйствія: но возникшія междоусобныя войны воспрепятствовали всѣмъ ея успѣхамъ, и, подобно другимъ искусствамъ, она не только что не усовершенствовалась, но сдѣлалась ничпожною на войнѣ. Въ сраженіи при Иври находилось чепыре орудія въ союзномъ войскѣ, и шесть въ Королевскомъ. Напропивъ того Венеціане въ сіе время систематически ею занимались, и въ 1526 году учредили первую Арпиллерійскую школу. *Брингоччио* въ 1540 научилъ искусству дѣлать потѣшныя огни, и издалъ первое печатное сочиненіе о лишѣ пушекъ и соспавленіи пороха. Въ Англіи при *Елисаветѣ* заведены были лишейные и пороховые заводы; а въ Нюренбергѣ *Гартманъ* изобрѣлъ калиберный размѣръ, копорый съ сего времени

былъ принятъ для измѣренія Артиллерійскихъ орудій по Нюренбергскому вѣсу; но нынѣ во всѣхъ Государствахъ, выключая Россіи, мѣра сія оставлена, и величина орудій и снарядовъ опредѣляется по собственному вѣсу каждой земли: почему нѣкоторые Артиллеристы утверждаютъ необходимость ввести сіе въ употребленіе и въ отечествѣ нашемъ.

Между тѣмъ какъ Артиллерія въ половинѣ XVI столѣтія болѣе улучшалась новыми открытіями; во Франціи она до времени *Генриха IV* (1590), такъ какъ и Инженерное искусство, находилась еще во младенчествѣ. *Сюлли*, получивъ главное начальство надъ Артиллеріею, обратилъ все свое вниманіе на сію важную отрасль военнаго дѣла, и умноживъ и преобразовавъ ея, онъ сдѣлалъ Артиллерію сильнѣйшимъ орудіемъ для покоренія крѣпостей, коихъ усовершенствованіе предоставлено было знаменитому въ оное время Инженеру *Ерарду де Барлеюку*.

Въ сіе время пушки, лафеты и разныя принадлежности получили лучшую соразмѣрность, изъ коихъ послѣднія въ 1544 году *Францель Попендорфоль* наиболѣе были улучшены для полевыхъ орудій; и въ семь году сдѣлано первое употребленіе конной Артиллеріи въ сраженіи при Серизоллѣ, и Герцогъ *Альба* ввелъ во всей пѣхотѣ мушкеты, а въ конницѣ карабины. Но

вообще всѣ сіи оружія далеки были опть совершенства новѣйшихъ, и Аршиллерія во всей Европѣ была обыкновенно неудобна и малочисленна; сему служилъ доказательствомъ осада Камбре, при коей Испанцы имѣли тогда, къ удивленію всѣхъ, 70 большихъ и малыхъ пушекъ. Достойно еще замѣчанія, что Гюгенопы въ 1574 году къ новымъ открытіямъ прибавили изобрѣшеніе петардъ, кои употреблялись для разбитія ворогъ, поврежденія мостовъ, прерванія цѣпей и пр. и привѣшивались къ шѣмъ предметамъ, кои надлежало разрушить; но сіи орудія вылитыя изъ мѣди, наподобіе усѣченного конуса, съ мадрильною доскою, при усовершенствованіи искусства укрѣпленія, болѣе не употреблялись и *Бусмаръ* доказываетъ, что мѣшекъ съ порохомъ произведеть равное съ ними дѣйствіе.

Изобрѣшеніе морширь полагають около 200 лѣтъ послѣ пушекъ, кои въ началѣ служили, какъ многіе думаютъ, для бросанія свѣплыхъ ядеръ и камней, что послужило началомъ къ открытію бомбъ и прочихъ Аршиллерійскихъ снарядовъ, но большею частію употребленіе бомбъ и морширь приписываютъ *Малатесту*, *Римникскому Князю*, также *Валтерію* (1472) въ Базелѣ, и Ванло (1508) въ Брабантѣ. Турки противъ Родоса (1522), Французы при Бордо (1542) и въ Гельдріи при Вахпейдокѣ (1588) съ

пользою ими дѣйствовали, и въ 1524 году введены въ употребленіе ручныя гранаты. Морширы бывали прехъ родовъ: висячія и сидячія или съ поддономъ, изъ коихъ послѣднія доннѣ употребительны. Въ запискахъ *Сень-Рели* упоминается объ опытахъ дѣланныхъ надъ морширою липейщика *Петри*, называемою *насъдкою*, изъ коей вдругъ мешали бомбу и нѣсколько гранатъ: но по бесполезности вскорѣ сіе изобрѣтеніе во Франціи было оставлено, хопя союзныя войска симъ воспользовались и спрѣляли при осадѣ Лилля (1708) и при оборонѣ Бушена (1712). Изъ новѣйшихъ изобрѣтеній: Гомеръ, Инспекторъ Французской Аршиллеріи (1785), предложилъ лучшія морширы съ конической каморою, служащею продолженіемъ кошла, опъ чего бомбы лучше укладываются, не оставяющъ зазора, сберегается порохъ и спанокъ, и точность выспрѣла сопряжена съ дальностію полета бомбъ. Впрочемъ сіе нѣкоторыя приписывавающъ *Петри*.

(Продолженіе впрѣдъ).

гая и переменная; пройдя все озеро в длину, приплыли къ часовнѣ *Вильгельма Теля*, поспрошенной на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ Геслеръ угрожаемый гибелью, во время возставшей бури велѣлъ снять оковы съ Теля и посадить его на корму. Здѣсь-то пристали къ намъ два Француза, о которыхъ я упомянулъ выше; оба Ульпра — Роялисты, молодые люди весьма пріятнаго обращенія, съ которыми мы весело провели время, слушая ихъ споры и оспоря слова. Въ 6 часовъ вечера вышли мы на берегъ, и пошли къ Алпорфу, отстоящему на полмили отъ озера. Не доѣзжая до берега, гребцы указывали намъ въ отдаленіи гору, бѣлизною и наружнымъ видомъ подобную сахарной головѣ, возвышающуюся надъ всѣми окружавшими ее горами. Они сказали намъ, что она есть самое большое возвышеніе Сень-Гопарда. Переночевавъ въ Алпорфѣ, отправились мы въ путь поутру въ 7 часовъ при самой дурной погодѣ, и прибыли въ Амшпетъ, находящійся у подошвы Сень-Гопарда. Въ семь мѣстѣ мы, оставивъ повозки, наняли верховыхъ лошадей. Дорога очень негладкая идетъ по узкой ущелинѣ, между огромныхъ утесовъ; по срединѣ протекаетъ нечислѣнный ручей Рейсъ, съ великимъ шумомъ. Я спокойно ѣхалъ такимъ образомъ чрезъ Альпійскія горы потому же самому пути, по которому Князь Суворовъ вышелъ обратно съ

своими войсками. Дорога, поспешенно возвышающаяся вдоль Рейса, въ нѣкопрыхъ мѣстахъ образуешь водопады, копрыхъ шумъ слышанъ въ далекомъ разстояніи. Попомъ надобно въѣзжать на крупизны. Дождь не переставаль и промочиль насъ насквозь. Около прешьяго часа приѣхали мы въ гостинницу Возенскую, стоящую на такомъ возвышеніи, на коемъ дождь превращается въ снѣгъ и производить большой холодъ. Въ ней нашли мы Австрійскихъ Офицеровъ, отправляющихся къ Ипаліанской арміи, сидящихъ пропивъ огня, пылающаго въ каминѣ. Чемъ выше поднимались въ гору, тѣмъ дорога спановилась шруднѣе и неровнѣе, долина и утесы отвѣснѣе. Рейсъ при испокѣ своемъ превращается въ быспрый немѣющій дна и береговъ попокъ, съ ужаснымъ шумомъ спремѣющійся подъ нашими ногами. На пупи семь переѣхали чрезъ два довольно плохіе моспа, между тѣмъ какъ снѣгъ падалъ большими охлопками, и наконецъ около 6 часа увидѣли знаменипый *Чортовъ мостъ*, копорый показался намъ не сполько чертовскимъ, какимъ вездѣ славится. Напропивъ пого онъ изъ всѣхъ здѣсь находящихя самой надежной. По словамъ всѣхъ жипелей, помнящихъ переходъ Суворова, не сей мостъ, но при другіе моспа, чрезъ копорые переходили войска по связаннымъ шарфами бревнамъ, были непріяшелемъ испребле-

ны. Чоршовъ мостъ переходить можно столь же безопасно, какъ и Исакіевской (что у насъ на Н-вѣ) но вѣнерь въ семь мѣспѣ иногда бываетъ столь силенъ, что сбрасываетъ черезъ перила всадника и съ лошадыю. Я переѣхавъ мостъ верхомъ, взобрался на слѣдующую за нимъ крупизну; а паварици мои спѣшились; но признаюсь, что опъ сильнаго вѣпра я едва могъ удержаться въ сѣдлѣ, припомъ же и глаза мои заслѣвлены были снѣжными крупинками. Наконецъ проѣхали мы сквозь пещеры, называемыя Урзенскимъ проходомъ: дорога въ семь мѣспѣ идетъ сквозь самую гору, такъ что нѣкоторое время находились мы въ шемношѣ, а когда опшуда выѣхали, предспавилась нашему взору не-бозримая Урзенская долина, окруженная утесами. Хотя было не позже 16 Сентября, но земля покрылась уже снѣгомъ, какъ у насъ въ Россіи въ началѣ Ноября. На камняхъ блиспали ледяные кристаллы; дождь, мочившій насъ въ первой половинѣ нашего путешествія, превратился въ ледъ и украсилъ ледяными сосульками наши шляпы. Ноги у насъ онѣмѣли опъ спужи; и мнѣ казалось, что я волшебною рукою перенесенъ въ мое отечество. — Кпо повѣришь, что сіи ужасныя мѣспя имѣють жипелей, и также населены какъ самыя цвѣпущія равнины Швейцаріи. Андершпашскій пригородокъ, въ кошоромъ останови-

лись мы ночевать, естъ не на шупику городокъ весьма красивый, имѣющій ошь 1500 до 2000 жипелей; по всей долинѣ разсѣяны прекрасныя деревушки. Спранно видѣшь людей поселившихся въ пуспыняхъ, покрытыхъ, снѣгомъ большую часть года, и такихъ пуспыняхъ, ошь коихъ Ипалія ошспоить только на нѣсколько верспь. Со всемъ тѣмъ жипели Урзенской долины кажупся безбѣдными и довольными своимъ состоянiемъ, и многіе изъ нихъ не выходили изъ своей родины, пользовавшись благораспореннымъ климатомъ. Здѣсь я узналъ по опыту, что мы изъ всѣхъ народовъ менѣе другихъ умѣемъ переносить спужу. Въ Дрезденѣ я удивлялся Нѣмцамъ, копорые спятъ зимою, разкрывая на ночь окна. Во Франціи разводяшь огонь въ каминахъ только для чужеземныхъ путешественниковъ; а здѣсь въ Андерштаптѣ, въ долинѣ Урзенской, гдѣ мнѣ кажется холоднѣе, нежели въ Песербургѣ, нигдѣ не видалъ я порядочной печи, нигдѣ окна не зашворялись плоино. Дрожа ошь мороза, приѣхали мы въ шрактиръ, гдѣ покой были холодны какъ погреба, и хозяинъ удивился, когда мы велѣли развести въ каминѣ большой огонь. Вымывши ноги киршвассеромъ, сѣли мы за столъ четверо: я, сошпешественникъ и прiятель мой и два Француза. Мнѣ казалось забавнымъ вмѣснѣ съ З, съ копорымъ я такъ часто ужиналъ въ Санкшпешер-

бургѣ, ужинашь въ горахъ Сень-Гопарда. Мы протговорили весь вечеръ о спранности нашихъ приключеній, о старинѣ и о первыхъ лѣпахъ нашего знакомства. Французы забавляли насъ своею веселостію, и мы много смѣялись. Путешествіе слѣдующаго дня было для насъ самое пруднѣйшее; надлежало перебираться черезъ переходъ Сень-Гопарда, на 5 миль опсто-ящій опъ Андерштапа. Мы встали на разсвѣ-тѣ, взяли съ собой прехъ дюжихъ проводниковъ съ лопатками, для разчищенія намъ дороги, гдѣ нужда попребуешь, и опправились въ путь въ половинѣ седьмаго часа. Часу въ девяпомъ при-были мы въ деревню Лопипаль, похожую на го-родокъ, въ которой жипелей считается до 1000 душъ, но климашъ еще суровѣе, нежели въ Андерштапѣ. Здѣсь царспивовала совершенная зима, и вѣпръ былъ такъ жестокъ, что мы ед-ва ли могли бы продолжашъ путь, если бы онъ дулъ намъ встрѣчу. Тутъ дорога становишся хуже и идетъ вдоль узкаго ущелія между уше-сами. Проводники наши шли впереди, разчи-щая оную; но лошади наши, не смотря на сіе, проваливались по брюхо въ снѣгъ, особливо ло-шакъ, шедшій впереди съ грузомъ, со всѣмъ въ снѣгъ обрушился, и такъ не ловко изъ онаго вы-карабкивался, что мы много смѣялись. Всего бо-лѣе затруднялъ насъ вихрь, который на сей высо-тѣ становился совершенною вьюгою; онъ со-

провожаемъ былъ сильнымъ морозомъ и клубилъ снѣгъ по воздуху. Черезъ пять или шесть часовъ шаковаго пупешествія прибыли мы въ гостинницу (Hospice). Прежде былъ на семь мѣстѣ монастырь, обитаемый опшельниками, которые ходили съ собаками опыскивать сбившихся съ пупи пупешественниковъ; но онъ былъ разорень Французами во время революціонной войны, и теперь остались однѣ только его стѣны, однакожь уцѣлело нѣсколько комнатъ; два человѣка живутъ въ семь ужасномъ уединеніи, для принятія и успокоенія пупешественниковъ. Мы достигли величайшей высоты сего пупи, и опъ разжиженнаго воздуха небо казалось намъ сѣрымъ и почти чернымъ, а солнце померкшимъ и неимѣющимъ никакого блеска. Гостинница стоить среди небольшой долины, на берегу озера или пруда, который бываетъ покрытъ льдомъ цѣлыя три четверти года, и окружена каменными утесами, ограничивающими со всѣхъ сторонъ зрѣніе. Въ семь-то мѣстѣ обитають большую часть года два упомянутые сосрадальца, а прежде жили монахи, посвятившіе себя на службу человечеству, которыхъ тщешно старались описать дурными красками ненавистники пчпенаго сего званія. Обогрѣвшись и возстановивъ свои силы въ гостинницѣ, продолжали мы нашъ пупъ, начали спускаться съ Сень-

Готарда по большой крутизнѣ Чѣмъ ниже мы сходили, тѣмъ болѣе удалялись спѣ служи и снѣговъ; и вскорѣ спутили на Трем-лескую долину, копорая составляетъ самое опасное мѣсто сего прохода, особливо весною, когда таетъ снѣгъ. Тогда-по проводники совѣщаютъ путешественникамъ хранить глубокое молчаніе, и даже опвязываютъ у лошаковъ гремячки, ибо малѣйшій шумъ и малѣйшее сопрясеніе въ воздухѣ могутъ причинить паденіе огромныхъ глыбъ снѣга, находящихся надъ головами. Въ послѣдніе два года погибло отъ снѣжныхъ валуновъ болѣе 300 человекъ. Но въ то время (осенью), въ которое мы тамъ были, не наступало ни малѣйшей опасности. Около трехъ часовъ прибыли мы въ Айроно, первое мѣстечко Италіанской Швейцаріи. Здѣсь снѣгъ исчезаетъ, и появляется взорамъ зелень и прозябеніе. Послѣ обѣда прибыли мы въ Алдацио, и находились въ Тессинскомъ кантонѣ, гдѣ повсюду слышали Италіанской языкъ.

Оставивъ верховыхъ лошадей, наняли мы кареты, чтобы ѣхать въ Беллинзону. Входъ въ долину Ливинскую и смѣлая дуга Тессинскаго моста представляютъ великолѣпнѣйшее зрѣлище. По мѣрѣ приближенія нашего къ Италіи, воздухъ становится неизъяснимо благораспореннѣе, когда миновали мы (Ф . . . , при заходѣніи солнца взошла луна и освѣпила преле-

спнѣйшую долину. Прошедъ Джорнико, сельскіе виды представляются во всей своей красотѣ. Тессина печепь подлѣ самой дороги, между пѣмь какъ пысячи водопадовъ спремѣются въ нее съ горъ, окружающихъ долину. Наипаче обворожило насъ то что мы какъ магическою силою перенесены были въ такую теплоту, каковая бываетъ среди лѣта, послѣ того какъ за нѣсколько часовъ ощущали всѣ жестокости зимы. Ни что не могло сравниться съ красотой сей ночи; никогда, кажется, луна не имѣла столь прелестнаго блеска; множество соловьевъ оглашали горы своимъ пѣніемъ, долина благоухала ароматомъ розъ и другихъ дикорастущихъ цвѣтовъ. Около полуночи пріѣхали мы въ *Поладжіо*, и неоспанавливаясь въ семь мѣстѣ, въ два часа по полуночи въ самую хорошую погоду достигли до Беллинзоны. Дорога идущая изъ Алдажіо была отдѣлана для карешной ѣзды; а шеперь спараются сдѣлашь столь же удобнымъ весь путь чрезъ Сень-Госардъ. —

(Окончаніе будетъ.)

в) РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Мая 27 дня играна на Маломъ театрѣ: *Отелло или Венеціанской Мавръ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Достоинство этой трагедіи давно уже опредѣлено безпристрастіемъ и разборчивымъ вкусомъ опечесивенныхъ либераторовъ, слѣдственно распространяясь въ похвалѣ или осужденіи ея почитаю излишнимъ; скажу только свое мнѣніе объ игрѣ актеровъ. Въ изящныхъ художествахъ истинный талантъ артиста примѣченъ бытъ можетъ скоро: одна прекрасная черта въ живописи, одна пиитическая мысль въ ваяніи или прелестный стихъ въ поэзи показываютъ просвѣщенному любителю Наукъ дарованіе юнаго сына Минервы. То же самое можно сказать и о драматическомъ искусствѣ; талантъ актера видѣнъ изъ нѣсколькихъ представленій; правда, голосъ предчувствія бываетъ иногда обманчивъ, — молодой актеръ, оглушенный рукоплесканіемъ, вмѣсто постепеннаго усовершенствованія себя на семь прудномъ поприщѣ, останавливается на первомъ шагѣ и довольствуется похвалою безгра-

мопныхъ цѣнишелей надзвѣдной театральнѣй обипели. споль щедрыхъ на вызовы, однако же сіе не мѣшаешь знашоку театра, сображаясь съ первыми опытами артиста, судишь съ нѣ-которою справедливостию и о послѣдующихъ.— Г. Максимъ въ перьыхъ дебютахъ обрадовалъ своимъ дрованіемъ просвѣщенныхъ любипшелей оше-чественнаго театра; они надѣялись видѣть въ немъ со временемъ хорошаго актера, но игра его до сихъ поръ ни мало неперемѣняется и примѣпно начинаешь выводипть зрителей изъ той пріят-ной, обольстипельной надежды, въ которой нахо-дились они долго, ожидая ошь молодаго актера поспепенной усовершпмости. Роль Ошеллы, не-давно имъ игранная, конечно пребовала ошь не-го и правильѣйшаго чпенія и несравненно лучшихъ плѣдвпж-нй и живѣйшей мимики, не говоря уже о непомѣрномъ крикѣ (порокѣ общемъ нынѣшнихъ врагическихъ актеровъ.) Чшо же касается до Г-жи Колосовой м., играв-шей роль Едельмоны, то можно сказапть съ удовольствіемъ, чшо она единспвенно поддержи-ваетъ осиротѣлую Мельпомѣну нашу прекрас-ною игрою своею. Истинные знапоки и люби-тели театра сожалѣютъ много о потерѣ Яко-влева и Семеновой б.; упрата перваго до сихъ поръ еще невознаградима; упрату послѣдней, Г-жа Колосова м. умѣла нѣкоторымъ образомъ сдѣлапть для насъ не споль чувствипельною.

Г. Борецкій игралъ отца Едельмоны съ довольною живостию. Г. Каменогорскій представлялъ искусно коварнаго друга, впрочемъ не въ эпическихъ роляхъ можно видѣть искусство его. Оспаривая упоминуть о Г. Щениковѣ; пожалѣемъ объ немъ, ибо память его на этотъ разъ была слишкомъ слаба.

Деять дней женитбы, Оперы, заключающая спектакль, не заслуживаетъ вниманія ни собственно своимъ достоинствомъ, ни игрою актеровъ. Гг. Шамаевъ, Ефремовъ, Лукьяновъ, сии можно сказать ученики актеровъ, играли посредственно. Г-жа Иванова пѣла довольно пріятно.

Б.

г) ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРАХЪ.

Лондонскіе театры: Друриленскій и Ковенгарденскій отличаются отъ прочихъ, какъ пространствомъ такъ и богатыми украшеніями. Четыре ряда ложъ поддерживаются богато-вызолоченной колоннадой; передъ каждой изъ нихъ повѣшена бронзовая люстра съ пятнадцатью газовыми лампами. — Боковыя ложи украшены золотыми решепками, галереи богатыми перилами. — Спѣны зала свѣтло-голубаго цвѣта украшены миеологи-

ческими фигурами. По окончаніи предспавленія всѣ ложи завѣшиваются опъ пыли сукномъ. Величайшая чиспота наблюдается также и на сценѣ: между актами выходятъ на сцену служители и выметають спарашельно полъ передь оркестромъ. Цѣна за одну ложу въ продолженіи зимы спойтъ 200 гиней.

Ковентгарденскій театръ вмѣщаетъ въ себѣ 3015 человекъ, именно: 1200 въ ложахъ, 632 въ партерѣ, 822 въ первой галлерей и 361 во второй. —

Друриленскій театръ вмѣщаетъ 3948 человекъ: 1960 въ ложахъ, 930 въ партерѣ, 632 въ первой галлерей и 426 во второй. — Спустиа 2 часа по началіи пьесы, за входъ плапшется половина.

Въ большой оперѣ (Kings Theatre) могутъ помѣщаться только 2500 человекъ: 900 въ ложахъ, 800 въ партерѣ и 800 въ галлерейяхъ. — Прочіе Лондонскіе театры, въ сравненіи съ сими, довольно малы; они посѣщаются большею частію низкимъ классомъ народа. —

Большую потерю обоимъ театрамъ причинилъ неподражаемый актеръ Matthews, (второй Гаррикъ въ комическихъ роляхъ). Онъ уже два года играетъ одинъ на собспвенномъ маленькомъ театрѣ, опличаясь неподражаемою оригинальностію, измѣненіемъ лица и голоса, выговоромъ различныхъ нарѣчій и

чревовѣщательнымъ искусствомъ. Наболѣе нравится публикѣ его повѣствованіе о путешествіи въ Парижъ. (a trip to Paris.)

д) ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Польская: На поприщѣ Польской Литтературы замѣтимъ мы вышедшее недавно собраніе драматическихъ стихотвореній Богуславскаго (Dziela Dramatyczne Boguslawskiego), 15 томовъ, съ гравюрами и портретомъ. — Это изданіе почитается наилучшимъ въ Польшѣ. Три тома онаго уже вышли, прочіе появляющіяся въ печеніи трехъ мѣсяцевъ. — Имя сего писателя весьма уважается въ Польской Словесности; онъ оказалъ большія услуги оной. Богуславскій былъ Директоромъ и основателемъ Польскаго театра; піэсы его почитались лучшими изъ играемыхъ на ономъ театрѣ. Достоинство ихъ состоить въ оригинальности и точности изображенія характеровъ. — Нѣкоторыя піэсы его переведены съ языковъ Французскаго, Испаліянскаго, Англійскаго и Нѣмецкаго. — Пилигримъ въ Добромиль: — такъ называется книга сочиненная Княгинею Изабеллою Черпорижской, назначенная для нравственнаго наставленія Польскихъ земледѣльцовъ. Слогъ ее простъ, внятень и имѣеть въ себѣ довольно плавности. —

Италіянская: L'Ulade, Поэма въ 12 пѣсняхъ, соч. Кавалера Анжело Марія Риччи. — Публика съ неперпѣнѣемъ ожидала появленія въ свѣтъ сей поэмы; но она не нашла въ ней того, чего обѣщало ее пышное названіе. Планъ сего пворенія для Италіянцевъ не понравился, ибо стихопворецъ воспѣваетъ подвиги Карла Великаго въ Италіи, — при томъ неумѣспные эпизоды, худая версификація, невѣрныя изображенія причинили совершенный упадокъ оной Поэмы на поприщѣ Италіянской Литпературы.

Англійская: Трагедія знаменитаго Лорда Бейрона, Marino Faliero, какъ стихопвореніе, заслужило опличную похвалу Англійской публики. Лордъ Бейронъ трудился надъ ней чепыре года; хотя она неможетъ спорить въ достоинствѣ съ Монфредомъ, но имѣетъ много превосходныхъ сценъ и почитается въ числѣ лучшихъ пвореній Поэта. Знапоки и любители Англійской литпературы должны сами читать и судить объ оной прагедіи; ибо они ничего не узнаютъ изъ литпературныхъ Англійскихъ газетъ, которыя пишутъ въ духѣ двухъ прошивныхъ парсій. Въ Literary Gazette нашель эпошь Писатель злѣйшаго врага своимъ пвореніямъ; но всѣ пасквили и приспираспныя кришки не дѣлають вреда Лорду Бейрону. Гений Поэта далеко превосходитъ его погрѣшности.

Вдова сія, Коллежская Регистраторша Олимпіяда Кирилова дочь Нередицкая, имѣеть жилище Рожественской части 4 квартала въ Подгорной улицѣ, въ домѣ Надворнаго Совѣтника Фарафонтова подъ Но 432.

Почтенные соотечественники! пролейте опраду въ душу несчастныхъ, и рука дающихъ ошь достоянія своего не оскудѣеть.

Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю бышь и проч.

Константинъ Гульельми.

ныи извѣстія о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Американской эскадры противъ Турецкихъ кораблей. — Были случаи, въ которыхъ Американцы оказали важныя услуги Грекамъ въ Архипелагѣ. Сія эскадра въ честь освобожденія Мореи сдѣлала нѣсколько поздравительныхъ выстрѣловъ съ кораблей своихъ. —

Вся сила Оптоманской Порты состоить теперь изъ слѣдующихъ войскъ: инфантерія: Янычаровъ 113,400 человѣкъ; Топаджей или Арпилерійство 16,000; Гумбараджевъ или бомбандировъ 2,000, Б-спанжіевъ 13,000; на Европейскій манеръ образованнаго войска 20,000; Морскихъ солдатъ 50,000; Валахскій и Молдавскій корпусъ 6,000; Мапергисовъ, команды для разбиія палатокъ 6,000; и такъ всего сухопутнаго войска считается 226,000 человѣкъ. Кавалерія: Спатовъ, получающихъ постоянное жалованье 10,000, Рейшкнехтовъ и багажныхъ 1,000; конной милиціи Тимарионовъ 132,000; волонтерной легкой кавалеріи или Деглисовъ 10,000; Гебѣджисовъ или резервныхъ 19,000; всей кавалеріи 172,000 человѣкъ.

Константинополь укрѣпляется Турками. Тамъ перерѣзано нѣсколько тысячъ Грековъ. Домъ Испанскаго Посланника разрушенъ до основанія бунтовавшею чернью; при чемъ два Испанца лишились жизни

(Изъ Hamburg Corresp.)